А. ФЕЦ

ПЕТРУСЬ ПОТУПА

Издательство „Детская литература"

Марине
в день вступления в
октябрята.
3. 11. 73 г.

А. ФЕЦ

ПЕТРУСЬ ПОТУПА

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. Ильинского

Москва «Детская литература» 1973

Р2
Ф 42

Издание третье

Фец А.

Ф46 Петрусь Потупа. Повесть. Рис. И. Ильинского. М., «Дет. лит.», 1973.

128 с. с ил.

Книга «Петрусь Потупа» рассказывает о тяжёлой жизни крепостных крестьян на Украине незадолго до отмены крепостного права в 1861 г.
В центре повести — образы крепостного украинского хлопчика Петруся, мечтающего о воле, и его старшего друга Бармы — предводителя крестьянского бунта.

Ф $\frac{0762-322}{101(03)73}$ 446—73

Р2

1

СЫН

На островке стоптанного, пропитанного водой снега, около поваленного плетня, стоит Степан Потупа. У ног его, рядом с грудой ивняка, огненным зайчиком вспыхивает на солнце брошенный топор; позади горбатится старенькая клуня; впереди — широкий овраг, откуда щетиной торчат голые прутья; ещё дальше — снежные поля с тёмной каёмкой леса и выжженными пятнами проталин.

Степана окружает путаница звуков: в крикливый спор воробьёв вмешивается разнеженное мычание коровы, стеклянным звоном рассыпается упавшая сосулька, где-то визгливо скрипит колодезный журавль.

Упруго, торопливо падают с соломенной крыши

капли, дробятся в пыль, радугой играя на солнце. Ручей подхватывает талую воду и с шумом бросает в жадную пасть оврага.

Потупа напряжённо вслушивается.

— Тихо... Погано дело, ой, погано! — качает он головой, вздрагивая.

Прутья над оврагом закачались. Тёплый ветерок коснулся лица Степана.

— Весняк! — шепчет Потупа.

И снова в ушах его звучит жалобный голосок Петруся: «Пить...»

Неделя подходила к концу, а заболевшему сыну день ото дня становилось всё хуже.

Потупа закрывает глаза и мысленно видит, как жена Катерина приподнимает голову сыну, как бабка Мокрина дрожащей рукой подносит к его запёкшимся губам тёмно-зелёный отвар из лекарственных трав...

Катерина совсем потеряла покой. Она металась по хате, растирала пылавшее жаром тело мальчика, по ночам со страхом прислушивалась к его тяжёлому, прерывистому дыханию. На седьмые сутки, обессилев от бессонницы, выплакав все слёзы, Катерина молча стояла у постели сына, крепко прижав к груди руки.

Опустив голову, сгорбившись, сидел на полатях Степан. Он взволнованно проводил рукой по волосам, вытаскивал из кармана кисет и, словно спохватившись, торопливо прятал его в карман, так и не закурив.

А когда бабка наклонилась к мальчику, по её озабоченному, вдруг помрачневшему лицу Степан понял, что настали решающие часы...

Не выдержав томительного ожидания, он отчаянно махнул рукой и вышел из хаты, захватив в сенцах топор. «Поработаю — может, полегчает».

Но едва дотащил Потупа до плетня вязанку ивняка, топор вывалился у него из рук.

Степан боялся оглянуться на хату, боялся, но в то же время страстно ждал той минуты, когда Мокрина или жена позовут его.

Чтобы скорее проходило время, Потупа думает вслух:

— Не делали ли мы с Катериной всего, чтобы наши дети росли, как цветочки в поле? Делали всё, да не вытянули. Эх!..

Степана сильнее охватывает тоскливая тревога: «Пойти бы узнать...», но страх перед несчастьем сковывает ноги. И взгляд Потупы безучастно скользит по хате с подслеповатыми оконцами, по вишнёвому садику с дуплистой грушей перебрасывается на задворки села, где высятся толстые вербы, отбрасывающие на снег голубые тени.

— Степан! — резнуло его слух.

В дверях хаты, щурясь от солнца, стояла Мокрина.

Степан побежал. Из-под сапог во все стороны полетели куски мокрого снега, брызги.

— Что? Скажи! — кричал он, подбегая к порогу.

Мокрина приблизила к нему голову с выбившимися космами седых волос и прошамкала:

— Хвали бога: жив будет. Хлопец крепкий, что молодой дубок. — И бабка добродушно улыбнулась, взглянув на измученное лицо Степана.

Степан оттолкнул Мокрину и распахнул дверь в хату.

— Ну как, Катерина? — тревожно спросил он, подбегая к сыну.

Катерина глазами указала на мальчика.

Бледное лицо спящего Петруся было спокойно. Мерно вздымался покрывавший его грудь кожушок.

Дрожащая рука Степана легла на влажный лоб

сына и медленно прошлась по спутанным мягким волосам.

Слабая улыбка появилась на лице матери. Радость наполнила теплом добрые, но уже выцветшие глаза Степана, лучом побежала по скуластому лицу.

— Пора уж мне до дому, — напоминает Мокрина.

Степан достаёт большой круглый хлеб, кладёт на него два тоненьких кусочка жёлтого сала и всё это с поклоном подаёт бабке:

— За лечение...

— Не богато, Степан! — качая головой, укоряет Мокрина.

Степан стоит перед ней с хлебом, смущённый, опустив глаза:

— Ведь нема ничего, нема, Мокрина! Ты не думай, будет — отдам, а то Катерина на огороде отработает.

— Ну что с вас возьмёшь! Отработаете. — И, взяв хлеб, Мокрина, поклонившись Степану, сказала: — Чтоб сколько му́ки да страху вы приняли от этой дитыны, чтоб вам от неё столько и радости было.

Степан тоже кланялся:

— Спасибо на добром слове. Пусть вам бог не пожалеет веку добавить.

— Спасибо и вам, — отвечала Мокрина.

После нескольких таких поклонов она сразу как будто постарела на много лет. Кряхтя и охая, потащилась к двери, провожаемая Степаном.

Когда он вернулся, Катерина, прислонившись лбом к подушке сына, впервые забылась в крепком сне.

Степан снял шапку, перекрестился на темневшую в углу икону и бесшумно вышел из хаты.

Широко льётся в грудь Степана густой весенний воздух. Теперь он уже слышит охрипших от крика воробьёв, слышит торопливый бег капель и, смахнув повисшую на усах слезу, растроганно шепчет:

— Петрусю, сынку... Дубок молодой мой!

2

СТАРАЯ БАЛКА

Когда во дворе Степана снова зазвенел весёлый детский голосок, старая хата словно помолодела. Помолодели и хозяева. Вот Петрусь только что крутился у печи и пропал. Выскочит Катерина во двор, а он уже на старой груше:

— Мамо, удод в дупле!

— Слазь — упадёшь! — кричит мать.

«Правду говорила старая Мокрина: растёт как из воды», — с гордостью думает Катерина, и радостная улыбка светится на её лице.

Петрусю до всего было дело. — На панщине — жатва. Люди, земля, рожь тонут в удушливом зное. Петрусь хватает тяжёлый сноп и тащит его к крестцу. И кажется Катерине, что не так горячо палит солнце, меньше болит согнутая спина.

Работает Степан, Петрусь вертится около него:

— Тату, и я буду помогать!

— Да помогать тебе нечего. Иди лучше к матери картошку полоть.

Петрусь идёт.

Подрастая, он донимал окружающих вопросами, а больше — отца. Вначале они были простые. «Отчего у курицы зубов нету? Зачем лошади четыре ноги, а человеку двух хватает?» Но год от году отвечать ему становилось труднее. Бывало он спрашивает:

— Тату, а пан — человек или так просто?

— Должно, человек: руки и ноги есть, — усмехается Степан.

— А чего ж он тогда не работает?

— Пан?.. Чего ему работать? Я на него работаю, мамка твоя, все люди.

— А что ж он делает?

— Как — что? Пьёт, гуляет.

— Так оно и нужно?

Степан мнётся:

— Уж так повелось: люди работают, а пан гуляет.

Петрусю не совсем понятно, отчего это пан гуляет, а люди работают, но он смотрит на небо, и новый вопрос готов:

— А как это солнышко держится на небе? Почему не падает?

— То ангелы божии держат.

— А как же они себе рук не попечут?

Степан сам этого не знает, но не задумывается:

— Они на верёвках его держат.

— Тату, верёвки ж сгорят!

— Ну, тогда на цепях, — не сдаётся Степан. — К ночи солнышко опускают, чтобы люди спать ложились, а утречком поднимают, чтобы люди на работу шли.

— Ангелы святые тоже работают у бога?

— Выходит, что так, — удивляется Степан.

Оба довольны: Петрусю всё ясно, а Степану приятно от мысли, что не только он и люди гнут на кого-то спину, но и ангелы.

Зимой, лёжа на печи, Петрусь под завыванье бури просит отца:

— Тату, расскажи про деда.

— Ты уж слушал не раз.

— Ещё расскажи.

Петрусь хватает тяжёлый сноп и тащит его к крестцу.

Степан говорит. И подвиги героев Сечи, борьба со шляхтой, всё слышанное им от отца и деда снова предстаёт в ярких образах былых событий. Петрусь слушает, боясь пропустить слово.

Время заходит далеко за́ полночь. Степан давно уже спит, а Петрусь долго ещё лежит с открытыми глазами.

Однажды вечером, войдя в хату, Степан испуганно перекрестился: под печью что-то шевелилось. «Нечистая сила! — решил Потупа, но тут же успокоился: — Не иначе, как Петрусь», — и за ноги вытащил сына наружу.

— Ты, батько? — вскрикнул Петрусь.

— Я. А что?

Петрусь молчал.

Степан оглядел его смуглое, выпачканное пылью лицо и укоризненно спросил:

— Ты что, сдурел?

— То я домового искал.

— Кого?

— Домового...

— На что?

— Так, посмотреть.

— Тьфу, напугал!.. Я тебя самого за домового принял.

— А я — тебя, когда ты за ноги тягал, — ответил Петрусь.

Степан рассмеялся. Но глаза сына смотрели на него вдумчиво, серьёзно.

— Так где же домовой?

— Да там же, под печью. В картошку зарылся.

— Картошку я выгреб.

— И нема?

— Нема.

— Вот дело! — притворно удивился Степан.

— Тату, так выходит — то неправда?

— Что — неправда?

— Да домовой.

— Кто его знает! — И Степан сразу стал серьёзным. — Должно, неправда.

Петрусь озадачен:

— Ты же сам говорил, что домовой, как кот, мягкий и голова как у филина.

— Люди так говорят, и я за ними.

— А говорят ещё, что в нашей Старой балке рано утречком стонет и плачет бандура. Так это тоже неправда?

— Нет, сынку, тут другое... — Голос Степана дрогнул. — Хочешь, расскажу? Хотя малой ты ещё слушать такое...

— Таточку, говорите скорее!

— Ну, добре, слушай.

Степан сел, обнял сына рукой и начал:

— Зашли один раз в наше село бандуристы: поводырь — хлопчик, а другой — сам кобзарь, высокий дидуган, сивый, как голубь. Слух о том разошёлся по селу, и люди повалили к церкви. Там на могиле отдыхали бандуристы. Чудно было селянам, чего они не боятся, — пан запрещал кобзарям заходить в село. Но вот народу собралось, как грачей на дереве. Старый ударил по струнам. Люди слушали и плакали. А кобзарь спивал о том, как измываются паны над народом, о запорожцах: о том, как в старину били шляхту, что нужно подниматься на панов. В обед бандуристам принесли поесть. Едят они, отдыхают, а уж панские слухачи докладывают пану:

«В селе заявился кобзарь. Народ мутит, на панов поднимает».

Как крикнет тут пан: «Взять мне того кобзаря, хоть живого, хоть мёртвого!»

Кинулись гайдуки, как лютые звери, но опередили их хлопцы:

«Тикай, диду! Бегут за тобой!»

«Не боюсь я панских собак!» — отвечает, а сам встал, руки в кулаки, брови нахмурил.

«Ты не боишься, так мы за тебя боимся», — ответили парубки и, подхватив старого, спрятали его в нашей Старой балке, у Больших пней. Чащоба там такая, что волк не пройдёт... Знаешь то место, сынку?

— Знаю, тату, рассказывайте.

— Парубки и говорят:

«Просиди тут, дидусь, ночь, а на заре выведем тебя на дорогу. Хлопчика твоего спрятали в другом месте».

Тем часом по селу рыскали гайдуки. Метались до вечера и... ничего. Снова докладывают пану. А тот аж затрясся.

«Закатую, забью! — кричит. А когда опамятовался немного, говорит: — Берите, дурни, собак».

Подняли псов. А у собачьего пана, известно, их сотни. Искали, вражьи диты, до полуночи, и снова... ничего. Тогда пустили старого кобеля, тот хоть кого найдёт. Здоровый, чёрный. Куда твой волк! Он и пошёл по следу, а за ним побежали собаки, гайдуки, псари. Услыхал старый кобзарь лай, крики и понял, что не вырваться ему. Взял он бандуру в обе руки, прижался щекой к струнам:

«Бандура моя, бандуринька, поднимала ты народ, будила ты спящую волю, разгоняла смутные думки... послужила народу... А теперь прощай, дружина моя верная, подруга моя подорожная...» Застонал старый кобзарь. Тяжёлые слёзы скатились на золотые струны.

А погоня близка. Вот она уже тут.

Расстегнул кобзарь свитку, сорвал подкладку и выхватил кинжал. Взял он его в одну руку, в другую взял бандуру и стал спокойный.

Первым кинулся чёрный кобель-ведун. Ударил его слепой кинжалом. За псом повалился панский гайдук.

И когда почувствовал старый бандурист, что много ран на теле, что смерть близка, ударил бандуру о землю и разбил её в щепы.

«Пусть как разбилась эта бандура, так разобьются и панские цепи!» — крикнул он в последний раз.

— Убили его, тату? — Петрусь прижался к отцу.

— Убили, — тихо ответил Степан. — Там, в балке, и лежат его кости. С тех пор старые люди говорят, что рано поутру плачет и голосит бандура, а тот, кто услышит её, будет стоять за правду, за которую отдал свою жизнь старый кобзарь.

Долго молчали отец и сын. Наконец Степан сказал:

— Ну, сынку, иди спать. Завтра тебе на работу к дьячку, а мне с Катериной на панщину.

Когда Петрусь вышел из хаты, на дворе уже стояла ночь. Было душно и тихо. На небе бледными светляками мигали звёзды. Вспыхнувшая зарница осветила небосклон и мгновенно растаяла в темноте. Потянул ветерок, с рокотом зашумели, заметались листья, и снова тихо. Петрусь оглядел предгрозовое небо и направился к клуне.

Скрипнула дверь. В лицо мальчику пахну́ло нежным ароматом свежего сена. Протянув руки, он ощупью пошёл к душистому ночлегу, где лежала отцовская свитка — постель мальчика.

Петрусь лёг, но сна не было — образ кобзаря не выходил из головы. Он лежал, устремив глаза в темноту, прислушиваясь, вздрагивая от малейшего шума. Вот что-то тяжёлое прокатилось по небу и, грозно ухая, замерло вдалеке. Всё ярче и продолжительнее сверкали молнии. Петрусь заснул. Но чем ближе

надвигалась гроза, тем беспокойнее становился его сон. И когда скрестились огненные лучи молний, когда от грохота и гула задрожала земля, Петрусь заметался.

— Диду, тикайте, тикайте! Идут за вами! — кричал он, поднимаясь и снова в бессилии опускаясь на свитку.

Но гроза уходила всё дальше, и сон Петруся становился спокойнее.

Пасмурный рассвет заглянул в щели. Петрусь встал, с минуту стоял неподвижно, будто что вспоминая, затем взял свитку и вышел из клуни.

Его встретили лениво стряхивающие влагу деревья, хмурое небо, окутанная туманом даль. Кругом было тихо — село ещё спало.

Петрусь перескочил плетень, засучил штаны, накинул на голову свитку и, оглядевшись, побежал. Хлестала по ногам росистая трава, ноги закоченели, а Петрусь мчался всё дальше. Миновав огороды, он подбежал к излучине Старой балки. Навстречу поднялись густые заросли, образуя свод, под которым медвежьей берлогой зияла дыра. В неё и юркнул Петрусь.

Задетые ветви обдали мальчика дождём брызг, свитка намокла, давила голову, но мальчик упрямо спускался вниз, пока не очутился в середине потока, на дне балки. Пройдя шагов сто по течению ручья, Петрусь свернул в чащу.

— Теперь уже близко, — шептал Петрусь.

Заросли расступились. На маленькой полянке зачернели пни: когда-то здесь стояли могучие дубы.

— Тут, — сказал себе Петрусь, с замиранием сердца опускаясь на корточки.

Мальчик насторожился. Но, кроме всплесков ручья и отдалённых криков петухов, ничего не было слышно.

Угрюмое небо снова набухло дождём. Время шло. Петрусь терял терпение.

«Может, нагнуться, тогда будет слышно?» — подумал мальчик.

Припав к земле, он опустил лицо в мокрую траву. И вдруг над его головой послышался слабый звук, будто кто струну щипнул.

«Бандура!» — вздрогнул Петрусь.

Но только он приподнял голову, как над ним тоненько зазвенело: тень-тень-тень...

Подними Петрусь глаза, он увидел бы маленькую птичку на ветке ольхи, но Петрусь, уткнув голову в траву, не смел пошевелиться.

«А что, если из земли выйдет дед и схватит меня?» — подумалось мальчику.

Неожиданно по листьям застучал крупный дождь. Петрусю показалось, что сзади кто-то подходит. Он вскочил и, объятый ужасом, бросился бежать.

Мокрые ветви яростно стегали по лицу. Чудилось, что чьи-то руки хватают за плечи, а кругом всё кричит: «Лови его! Вот он! Лови!»

Мальчик сбился с пути, паутина залепила глаза, острые шипы стащили свитку. В ручье он провалился по пояс.

Как Петрусь добрался до клуни, он сам того не помнил.

Устало переводя дыхание, он глубоко зарылся в сено и, согреваясь, подумал: «Зачем бежал? Чего испугался? Разве боялся кобзарь?»

Ему стало стыдно своего страха.

— Не буду больше трусить, не буду! — твердил Петрусь, засыпая под ровный шум дождя.

Часа через два Петрусь бежал к дьячку отрабатывать взятый зимой хлеб. Солнце, пробиваясь сквозь голубые окна в облаках, ярко освещало деревенскую улицу.

3
У ДЬЯЧКА

— Бери-ка вот корыто, мешок со стручками да садись у крыльца лущить. И чтоб мне до обеда управился. Слышишь?

— Слышу, — с опаской отвечает Петрусь, косясь на дьячиху.

— То-то. Приду — погляжу.

Дьячиха ещё раз оглядела начавшего работать мальчика и удалилась.

— Опять эта дрянь стоит с вёдрами! — уже со двора донёсся её голос.

Оставшись один, Петрусь принялся за дело. Скоро он убедился, что заданной работы хватит не только до обеда, но и в день не управишься. Однако мальчика это не смутило. Он живо вытаскивал из мешка хрустящие пучки: стручки лопались и с сухим треском роняли беленькие яички фасоли. Петрусь проводил по ним рукой, и они гремели, как камешки. Особенно веселило его, когда среди белых фасолин попадались цветные: фиолетовые с крапинками, коричневые, чёрные... Петрусю они напоминали яички маленьких птичек, и он каждую новую цветную фасолину бережно прятал за пазуху.

Неожиданно появлялась дьячиха.

— Лущишь? — односложно спрашивала она.

— Лущу, — в тон отвечал Петрусь и чувствовал, как маленькие глазки дьячихи следят за каждым его движением.

— Да ты скорее пальцами вороши, — говорила она, — как паучок ножками. Вот так... — И толстые её пальцы медленно шевелились. — Видал?

— Видал, — спокойно отвечал Петрусь, а сам думал: «Чего это она такая толстая? А если бы её поделить — сколько из неё вышло бы дьячков?»

Не успела дьячиха отойти, как звякнула щеколда, и на дворе появился дьячок. Петрусь взглянул и сравнил:

— Шесть, как на весах...

А Харитон Иванович, пересекши заросший травой дворик, остановился перед мальчиком.

— Здравствуйте, — сказал Петрусь, порываясь встать.

— Сиди, сиди, — поспешно произнёс Харитон Иванович, махая сухонькой ручкой на мальчика.

Он вытащил синенький в крапинку платочек и стал тщательно вытирать слезящиеся глаза с красными веками.

Мальчик видел его так близко впервые. В церкви, когда Харитон Иванович пел или читал, Петрусю всегда казалось, что внутри у него сидит овца и жалобно блеет. Поэтому он с любопытством оглядел рыжие, стёртые сапоги, серенький просаленный подрясник, маленькое личико с бородкой, похожей на клок сена, и косичку, перевязанную синей лентой.

Протерев глаза, дьячок дружелюбно глянул на Петруся:

— Работаешь, хлопче?

Петрусь молча кивнул головой.

— А чей будешь?

— Потупы Степана.

— А-а-а... Ну, работай. Бог труды любит.

— А вы видели его? — спросил Петрусь.

— Кого это, дитятко? — опешил дьячок, останавливаясь.

— Бога, — тихо ответил Петрусь, глядя на Харитона Ивановича тревожными, пытливыми глазами.

Тщедушная фигурка дьячка согнулась вдвое, рот открылся, глаза налились слезами. Дьячок потрогал мальчику голову, будто хотел убедиться, здоров ли он, и даже перекрестил ему рот.

— Христос с тобой, дитятко! — наконец вымолвил дьячок. — И что ты такое непутёвое выдумал? Да где же мне, грешному, сподобиться такой благодати?

— А отец Евлампий видел?

— А чем же отец Евлампий лучше? Ежели не...— Харитон Иванович хотел что-то сказать, но вместо этого хукнул в кулачок.

— Обедать! — послышалось из окна.

Мальчик бросил работу и вошёл в горницу. На столе уже дымились миски, наполняя воздух вкусным запахом мясного борща.

Петрусь сел и сразу заметил, что миска у него самая маленькая, у дьячка — побольше, у дьячихи же — огромная, налитая до краёв. Густой пар закрывал лицо хозяйки. Отдуваясь, она прихлёбывала борщ.

Петрусь удивился: «Как она не обожжётся? Наверно, остыло» — и, схватив ложку, глотнул.

Раскалённый борщ ожёг рот. Петрусь закашлялся, исподлобья взглянул на дьячиху.

— Ты чего это вылупился?! — напустилась она.

Петрусь поспешно схватился за ложку и уже не смел поднимать глаз.

Тем временем дьячок налил горилки в зелёную лампадку и со словами «Господи благослови» опрокинул её в рот; сморщился, чихнул и еле выговорил:

— Эко славное зелье!..

После этого дьячок как-то обмяк и обратился к Петрусю со словами:

— Правду ты, хлопче, говоришь: «Бог-то бог, да сам не будь плох». Вот как я сегодня: панихидку отслужил — есть и горилка и закуска. А не пойди я, то и лежал бы, пока не опух. Вот так-то... А до бога ещё и разум нужен. Одним богом не проживёшь...

— Ты чего это, старый дурень, болтаешь? — сердито сказала дьячиха.

— А вы, Прасковья Ивановна, хлопчику ещё борща подлейте да мясца дайте: сами же говорите — работящий, — осмелился вымолвить дьячок.

— Что вы, Харитон Иванович, суётесь не до своего дела! — оставив ложку, сказала дьячиха.

«Погоди, я тебе что-то подстрою!» — мысленно погрозил ей Петрусь.

Прислуживающая у стола немая девушка Фрося бросала на мальчика сочувственные взгляды. На второе она принесла кашу и сама хотела положить ему, но дьячиха перехватила у неё ложку, и в миску Петруся упал комок каши. А когда Фрося принесла крынки, то Петрусь вместо густой, вкусной ряженки получил синее, снятое молоко.

Мальчик встал из-за стола голодным. Он хотел выйти, но дьячиха протянула ему нож:

— Будешь срезать подсолнухи. И чтоб три мешка набрал! Только смотри не спи... А придёт Данило, школяр, — разбудишь Харитона Ивановича.

Петрусь вышел потупясь: Данило был его старый враг. Сын богатого мужика и старосты, Данило Гулый не мог примириться с тем, что не он, а голодранец Потупа верховодит хлопцами. Увидит Данило Потруся на улице — и, приплясывая вокруг него, дразнит:

Козёл с бородой — Потупа с дырой,
Козёл с рогами — Потупа с лаптями...

Всё это вспомнил Петрусь.

«Теперь он придёт и будет надо мной смеяться», — думал он.

Мальчик уныло потащился на огород. Вяло срезáл он шляпки подсолнухов, лениво совал их в мешок. Думая о том, чем бы досадить дьячихе, Петрусь оживился. Работа пошла спорее. Мешок наполнился, и мальчик потащил подсолнухи к крыльцу.

Только он высыпал свою ношу, как вдруг чья-то

рука осторожно коснулась его плеча. Петрусь оглянулся. Перед ним стояла Фрося. Щеки её зарумянились, глаза таинственно и весело блестели. Она сунула руку за пазуху, вытащила большой, сложенный надвое кусок хлеба с салом и протянула его мальчику. Петрусь даже оторопел. Но когда Фрося замычала и знаками показала, чтобы он ел, Петрусь понял и несмело взял хлеб. Фрося исчезла, но вскоре снова появилась с полной миской сметаны и несколькими кусками пшеничного хлеба. Всё это она положила мальчику на колени. «Ешь», — говорили её глаза. Петрусь с испугом оглянулся на хату. Тогда Фрося, приложив к щеке ладонь, наклонила голову, закрыла глаза, показывая этим, что в доме все спят. Петрусь стал есть, а Фрося жестами изображала, какая дьячиха толстая, как она ест, как ходит. Петрусь смотрел на девушку и смеялся до слёз.

Фрося расстелила на вышелушенных стручках рядно, чтобы Петрусь ложился спать, а сама, захватив мешок, пошла доконить за него заданную дьячихой работу.

Через час из будки вылез сонный Полкан и глухо залаял на калитку. Исполнив свой долг, собака выгнула дугой спину, широко зевнула и, гремя цепью, снова забралась в будку. Лай разбудил Петруся. Открыв глаза, он увидел Данилу, прикрывающего калитку. Петрусь взбежал по ступенькам крыльца и наткнулся на спящего на полу дьячка.

— Вставайте, Харитон Иванович, школяр пришёл! — крикнул Петрусь так громко, что мухи, облепившие лицо дьячка, роем поднялись в воздух.

Харитон Иванович испуганно открыл глаза:

— Что такое?

— Школяр пришёл!

— А, школяр... Хай его бис забере! — проговорил дьячок и снова закрыл глаза.

— Да вставайте, Харитон Иванович! — тормошил его Петрусь. — Прасковья Ивановна наказывала.

Дьячок сел на пол. С минуту его лицо изображало страдание, словно он вспомнил что-то мучительное.

— Вот навязался на мою душу!.. Дай руку, помоги подняться... Вот так. А теперь неси водички лик сполоснуть.

Пока дьячок сморкался и фыркал, а Петрусь поливал, Данило стоял к ним спиной и, задрав голову, что-то высматривал на небе.

Но вот дьячок умылся, и мальчики, не глядя друг на друга, разошлись по местам.

«Хорошо ему, — принимаясь за работу, думал Петрусь о Даниле, — учится читать. Вот бы мне!..»

— Благослови нас, господи, на тяжкий подвиг... — начал Харитон Иванович.

После такого вступления он спросил:

— Уроки выучил?

— Выучил.

— Ну, рассказывай богородицу.

— «Богородица дева, радуйся...» — бодро забасил Данило молитву и вдруг смолк.

— Так, добре. Дальше.

Данило молчит. Слышно, как жужжат мухи.

— Дальше, дальше! — нетерпеливо торопит его дьячок.

— А дальше не помню...

— Да ты, верно, не читал!.. По глазам вижу, что не читал. Говори: не читал?

— Нет.

— Ох, аспид, что мне делать с тобой? — вспылил дьячок. — Вот тебе!

Раздаётся глухой удар.

«Святой книгой бьёт», — догадывается Петрусь.

— Что вы, Харитон Иванович, дерётесь! — пла-

чущим голосом говорит Данило. — Я батьке скажу.

— Чтоб он пропал, твой батько! То он и подбил меня учить тебя, недотёпу. А если б не голова[1], так — тьфу! — взялся бы я учить такого дурня!..

«Неужели так тяжко учиться?» — думает Петрусь, слушая, как шелестит бумага.

— Перейдём до грамматики,— говорит дьячок.— Ты плохо читаешь, не помнишь букв. Я тебе задал повторить все буквы. Повторил?

Данило не отвечает.

— Ну, эта как называется?

— Глаголь.

— Где ж глаголь?! — кричит дьячок. — Очи, что ль, у тебя повылазили? Два месяца долблю тебе, что это буки... Ну, а эта?

— Добро,— дрожащим голосом отвечает Данило.

— Господи, чем я согрешил перед тобой? За что ты послал мне такого дурня? — в отчаянии схватился за голову дьячок.

Петрусь приподнялся на цыпочки и увидел, как Харитон Иванович, воздев руки к небу, вопит:

— Уйди, Данило, уйди с глаз моих!

Данило, с красным лицом, схватил шапку и, прошмыгнув мимо Петруся, захлопнул калитку.

— Петрусь, — слабо позвал дьячок.

Мальчик взбежал на крыльцо.

— Ох, замучил! Ох, аспид! — стонал Харитон Иванович, сжимая виски ладонями.

Петрусь подошёл к столу.

— Убери это, — кивнул дьячок на книги. — Вон туда, на полочку... — И сокрушённо заметил: — Вот, сынку, каково учиться. Слыхал?

— Харитон Иванович, научите меня читать! — просительно вырвалось у Петруся.

---

[1] Голова — староста.

Дьячок долго смотрел на мальчика удивлёнными, расширенными глазами, пока они не утонули в слезах.

— Что ж, — наконец сказал он, — от одного дурня не отделался, а уже другой навязывается? Да я...

Дьячок осекся.

В дверях колыхалось тело дьячихи.

— Это его-то? — сказала она, указывая пальцем на Петруся.

Мальчик испуганно оглянулся на дьячиху, но не растерялся.

— Я грибов вам натаскаю белых, больших. Вот таких, во! — показывал он. — В Мокрой луже наловлю карасей, сколько захотите! — И Петрусь перечислял всё, что он может сделать, если его научат читать.

При словах «белые грибы» лицо дьячихи насторожённо вытянулось, а при слове «караси» глаза её сделались такими, словно их окунули в масло.

— Слышишь, Харитон Иванович? — сказала она подобревшим голосом.

Но Харитон Иванович не слышал. Закрыв лоб руками, он размышлял вслух:

— Не выучу я этого олуха Данилу... Стой! А что, если вместо одного дурня да буду учить двух? Может, Данила и поумнеет, возьмётся за науку. А то голова...Два мешка пшеницы дал, гречки мешок...

Придя к такому решению, Харитон Иванович светло взглянул на Петруся:

— Так ты, хлопче, учиться хочешь?

— Да, — тихо ответил Петрусь.

— Ну, добре, учись, — сказал дьячок, кладя ему на плечо руку.

— Нет, постой, я вот посмотрю, как он работу сделал! — сказала дьячиха, подходя к перилам крылечка.

Но придраться было не к чему: рядом с мешком лежала гора подсолнухов.

— Можно посмотреть книгу? — несмело спросил Петрусь.

— Смотри, — разрешил дьячок.

Петрусь осторожно поднял толстую книгу в коричневом кожаном переплёте, закапанную воском. Чёрные живые глаза его загорелись.

«Эге, я буду учиться читать! Что теперь батько скажет? — Но вдруг его охватила тревога: — А что, если батько не дозволит?»

Тревога не покидала его до конца дня. Она не оставляла и по дороге к дому.

Степан только пришёл с панщины и умывался, когда во дворе появился Петрусь.

— Тату, тату! — кричал он ещё издали.

Потупа спокойно выслушал сына и нахмурился. Дома было работы много, да и на панщине шла горячая пора — Петрусь был нужен.

Но глаза мальчика так настойчиво просили, что Степан не устоял:

— Ну уж добре, учись, может, оно и пригодится. Пойди скажи матери.

Петрусь бросился обнимать отца и, заглядывая ему в глаза, сказал:

— Тату, а я на заре ходил бандуру слушать.

— Ну! — не поверил Степан.

— Ага, ходил, — продолжал мальчик и рассказал отцу, как бегал в овраг.

«Не трус», — подумал Степан.

От отца Петрусь стремглав вбежал в хату.

Выслушав сына, Катерина просто сказала:

— То хорошее дело — святые книги читать. Учись, Петрусь. Пусть тебе бог поможет, — и вышла из хаты.

«Вот бы помог!.. А кто его видел?» — подумал Петрусь и, став на лавку, дрожащими руками взял икону. Тёмная поверхность тускло выделяла лицо

— Можно посмотреть книгу? — несмело спросил Петрусь.

святого. Оно напоминало мышь, выглядывающую из норки. Страшно! Мальчик поспешно перевернул икону. Она пахла ладаном, и на обратной стороне ясно обозначались слои дерева.

«Доска? — удивился Петрусь. — А на доске бог. Чудно́!»

Теперь бог не был для него таким страшным, как раньше.

4

УЧЕНЬЕ

— Ну, молодец, молодец! — хвалил дьячок, слушая, как через месяц Петрусь читал Часослов. — Сподобил тебя господь разумом, Петро. Добре читаешь.

Тут же сидел Данило, угрюмо глядя себе под ноги.

С тех пор как Петрусь пристал к ученью, Данило делал некоторые успехи. Дьячок был доволен: «Говорил я, что Данило будет тянуться, так оно и вышло».

Но Харитон Иванович ошибался — причина старанья была иная.

Однажды дьячок приказал Петрусю отнести попу Евангелие. Выйдя за ворота, Петрусь столкнулся с отцом Данилы. Далеко отводя от себя посох, староста важно шагал по улице.

— Чего несёшь, хлопче? — спросил он Петруся.

— Евангелие попу.

— Евангелие? От кого?

— От Харитона Ивановича.

— А, от дьячка. Ну, неси!

— А я читать учусь, — похвалился мальчик.

Староста уже было пошёл, но тут остановился.

— Читать? — изумился он.

— Ага, с вашим Данилой вдвоём учимся. Я уже буквы знаю, — простодушно рассказывал Петрусь.

Староста крякнул, лицо его покраснело.

— Ты чей?

— Потупы Степана.

— Тьфу! Портков нема, а туда же — учиться! Не твоего ума это дело...

— Так ваш же Данило учится!

— То Данило, а то ты. Не разбираешь, дурень!— И староста пошёл дальше.

Петрусь недоумевал. За что его назвали дурнем? Чего староста сердится? Разве ему, Петрусю, нельзя учиться?

Дома Силантий Денисович велел позвать сына:

— Ты что же не сказал, что с тобой учится Потупа? Не думаешь, дурень, что он тебя сбить может? А?.. Не думаешь?

Данило, больше всего боявшийся отца, задрожал.

— Ну, говори: что заплатил Степан за ученье?

— Ничего. Петрусь работает им, носит грибы, рыбу...

— Ага! Вот оно что! Ну, а учится как?

— Погано, — процедил Данило.

— Погано? — подхватил староста. — Вот так я и думал!

Слова отца ободрили Данилу, и он не раз говоренное ему дьячком валил на Петруся:

— Харитон Иванович говорил, что барана легче учить, чем Петруся, что скамья, на какой он сидит, и та умнее и что ему во сто лет не научиться читать...

— «Во сто лет»! Ха-ха-ха!.. «Во сто лет»! — смеялся довольный староста. — Дурень, значит...— И неожиданно спросил: — Ну, а ты как учишься?

Данило опешил:

— Я... я ничего... добре.

— Ну вот, так и треба, чтоб добре.

Староста стал набивать трубку, лицо его вновь нахмурилось. Но вдруг оно осветилось мыслью.

— Вот надумал так надумал! — крикнул Силантий Денисович и так хватил ладонью, что стол подпрыгнул.

Данило с беспокойством взглянул на отца.

— Так вот, слушай: на рождество договорюсь я с дьячком, чтобы ты в церкви читал «Апостола», а за тобой этот... как его... Потупа. Пусть люди послушают дурня... Бо не лезь сиволапой мордой не в своё корыто!

И, довольный выдумкой, староста вышел из хаты.

Данило побледнел: вот когда откроется его ложь. С этого времени он тянулся за Петрусём.

Петрусь трудился не покладая рук. Год выдался на грибы урожайный, и мальчик до самых заморозков собирал боровики, ловил карасей, которых дьячиха жарила в сметане. Жадность её изводила мальчика. И если бы у Петруся не было такого друга, как Фрося, ему пришлось бы плохо. Петрусь тоже не оставался в долгу и чем мог помогал девушке.

У дьячка Петрусь узнал, что, кроме книг о боге, есть ещё книги о жизни людей. Как говорил Харитон Иванович, «у пана их столько, что и счёта не хватит».

— Вот бы такую одну! — с завистью воскликнул Петрусь.

— Есть у меня одна такая, запрятана в сундуке, — сказал Харитон Иванович. — Будешь стараться — подарю.

Петрусь старался.

Выпал первый снег. Дьячок объявил мальчикам, что они уже учёные и что науке их пришёл конец. В тот же день он извлёк из сундука заветную книгу и протянул её Петрусю:

— Возьми, Петрусь, да помни Харитона Ивановича.

Это была «Энеида» Котляревского, и начиналась

она так: «Эней був парубок моторный и хлопец хоть куды козак...»

Книга, написанная на родном украинском языке, да ещё стихами, привела Петруся в восторг.

Овладев новым шрифтом, он читал её так часто, что вскоре множество стихов заучил на память. Петрусь всем существом переживал чудесные приключения героя книги — Энея.

Потрёпанная книжка была обновлена. Вишнёвым клеем он прилепил оторванные листки, выстрогал из дерева крышки. На чердаке хаты он устроил хранилище, куда и прятал свою книгу.

Тем временем староста готовился к выступлению сына. Желая проверить его знания, он заставил Данилу читать. Но сын схитрил, выбрав в Часослове место, которое не раз читал у дьячка. Староста остался доволен и на другой день отправился к дьячку. Харитон Иванович, ничего не подозревая, сказал:

— Пусть Данило читает первым, мне всё едино.

Петрусь, узнав, что ему придётся выступать в церкви, заволновался:

«А что, если испугаюсь? Собьюсь?..»

Не раз прибегал мальчик к дьячку читать. И читал так хорошо, что даже дьячиха, равнодушная к чтению, и та сказала:

— Вишь, мальчишка, а читает не хуже попа.

И вот наступило рождество.

На второй день праздника дверь в хату Потупы отворилась, и вошёл староста, окутанный клубами морозного пара:

— Здравствуйте, добрые люди!

— Здравствуйте.

— Слыхал я — ваш хлопец будет читать в церкви. Так дай, думаю, принесу бедным людям сапоги, а то знаю — нема у вас. А послушать родное дитя всякому охота. Правду я говорю?

— Ой, как хочется, что и не скажешь! — подхватила Катерина. — Спасибо вам, Силантий Денисович, за ваше добро.

— Спасибо, — благодарил Степан.

— Не за что. Божье дело.

Староста протянул с порога две пары старых сапог.

Когда дверь захлопнулась, Степан сказал:

— Видно, и у волка иногда сердце бывает.

Наступил вечер.

Бом-бом-бом... — протяжно разносилось в морозном воздухе. Селяне кучками потянулись к церкви. Вскоре людская толпа переполнила храм.

Мальчики давно уже стояли наготове.

Данило волновался. Время подошло, и дьячок шёпотом подбодрил его:

— Иди, читай. Не бойся только, не торопись.

Данило, тяжело переступая, взошёл на клирос. Внутри у него похолодело. Иконы, люди, свечи закачались, строчки запрыгали перед глазами. Данило широко открыл рот, словно подавился воздухом.

— Го... — произнёс он на всю церковь.

Чтение началось. Данило спотыкался, пропускал целые фразы, не договаривал, трудные слова заменял словами из молитв.

Казалось, что телега, которой надлежало идти по ровной, гладкой дороге, съехала за обочину и пошла переваливаться по буграм, колдобинам, канавам...

Отец Евлампий вышел из притвора, посмотрел на Данилу и укоризненно покачал головой.

— Зарезал ты меня, Харитон Иванович! — хрипел староста на ухо дьячку.

Растерянный дьячок платком тёр глаза и в смущении бормотал:

— Господи Иисусе! Что ж то с Данилом стало? Ведь читал же, читал...

По церкви пополз шёпот, люди задвигались, кто-то засмеялся. Это ещё более смутило Данилу. С трудом закончил он чтение и поплёлся с клироса.

Наступила очередь Петруся. И когда он стал читать, словно свежий ветерок пробежал по лицам людей. Все головы повернулись к мальчику.

Тишину церкви нарушал треск горящих свечей да шелест перелистываемых Петрусём страниц.

Напрасно пытались скрыть охватившее их волнение Степан и Катерина. Смущённо оглядывались они на прихожан.

Петрусь чувствовал себя легко. Наконец его остановил дьячок. Мальчик дождался конца службы и вышел из церкви одним из последних. Катерина и Степан давно ушли вперёд.

Ночь выдалась морозная, светлая. Снежные кристаллики мерцали в серебряных лучах месяца. Было так тихо, что скрип снега под ногами далеко разносился в воздухе. Петрусь шёл домой не торопясь.

Хотелось ещё раз пережить своё торжество наедине.

Уже перейдя церковную площадь, Петрусь неожиданно столкнулся со старостой.

— Постой-ка, хлопче! — окликнул он мальчика.

«Что ему от меня нужно?» — с тревогой подумал мальчик, останавливаясь невдалеке.

— Ты вот что: подойди поближе...

Петрусь недоверчиво приблизился. Староста с быстротой, которой трудно было ожидать от этого грузного человека, схватил мальчика за ухо.

— Смеяться над головой задумал? Дурнем прикинулся? — хрипел он, туго выкручивая Петрусю ухо.

— Дяде-е-енька, за что? — взвыл Петрусь.

— Прикидываешься, вражий сын, голодранец! В пастухи отдам, до пана!

Не помня себя от боли и обиды, Петрусь, изловчившись, впился зубами в волосатую руку старосты. Глухо крякнув, тот отпустил ухо мальчика, но тут же влепил ему затрещину, от которой Петрусь отлетел на несколько шагов в сторону.

— Волчонок!.. — донеслось до него, когда он уже во весь опор мчался по деревенской улице.

У самой хаты своей он остановился, чтобы перевести дыхание. Как ни странно, никакого страха Петрусь не испытывал. Он был даже доволен собой.

— Что с тобой? — удивилась Катерина, взглянув на возбуждённого сына.

— Батько, маты, слушайте!

И, передохнув, Петрусь стал рассказывать...

Степан внимательно слушал, и лицо его, сперва мрачное, постепенно прояснялось. Он любовно смотрел на сына, и глаза его весело сверкали.

— Как же ты его, сынку: прямо-таки зубами и вцепился? Ох, и дитына у меня, палец в рот не клади!.. — смеялся Степан. — Хотел над нами посмеяться, да, видно, сам же в дурни пошился...

— Тату, что мы ему сделали?

— Ничего не сделали, сынку. Бедные мы, вот и вся наша вина.

А Катерина шептала:

— Господи, отведи от нас его руку!

Но староста не забыл угрозу: весной Петрусь был отдан в панские пастухи.

5

В ПАСТУХАХ

Полдень. Знойная тишь повисла над бескрайным лугом. От земли струится душный, горячий воздух. Кажется, что это колеблются бесцветные языки пла-

мени. В зелени берегов серебристой лентой сверкает река, а поперёк её зеркальной глади медленно плывут с одного берега на другой выпуклые облака.

У отмели сгрудилось стадо коров. Одни из них забрались в воду, другие развалились на берегу. Полузакрыв глаза, они сонно жуют жвачку, обмахиваясь хвостами, и кивают головами, словно кланяясь.

А вот и пастухи, поодаль от стада. Их группа выделяется белым пятном.

Вся природа охвачена истомой, но мальчики не чувствуют этого — лица напряжённы.

Старший, шестнадцатилетний Василь, рассказывает, остальные пастухи слушают. Петрусь лежит в стороне и что-то палочкой чертит на земле. Василь часто на него поглядывает, словно ему важно его внимание.

— А дальше пошло... — тянет Василь. — Дядько Барило как кинется грести до берега, а водяной обхватил руками чёлн и не пускает. Тут Барило понатужился так, что очи вылезли, как у жабы. Вырвался-таки. Подплывает до берега, глянул, а рыбы нема — водяной утянул, да ещё разом с садком!.. Вылез он из челна, снял шапку. «Крый меня, боже!» — шепчет. А тут он сам и выплывает.

— Кто?

— Водяной.

Белоголовый Мирон испуганно оглядывается. Лаврик подтягивает ноги, словно ему холодно. Один Петрусь остаётся спокоен, хотя слушает с любопытством.

— Вылез он вон из той гущи...

Глаза пастухов следят за рукой товарища и словно впервые видят широкий раструб реки, где на середине горстями снега белеют лилии.

Между ними плавают зелёные блины листьев, торчат жёлтые головки кувшинок. Заслоняя горизонт,

прямо из воды поднимается стена тростника. Отсюда, всколыхнув тишину, нет-нет да и выпорхнет стая уток, а то вылетит и жалобно заплачет чайка. Но сейчас всё было тихо, лишь сорванным бурей листком под облаком кружил ястреб.

— ...А тут голова раскидала листья и поднялась, — продолжал Василь уже шёпотом. — В волосья понабилась тина, сучья, что в невод. После вышли из воды руки, длинные, чёрные, на пальцах ногти, будто он их год не стриг, и давай чиститься. Почистился, протёр кулаком очи, осмотрелся. Но тут вышло из-за тучки солнышко, ослепило чертяку, он и пошёл под воду.

— А что с Барилом?

— Трясётся. Прочитал молитву, а потом и говорит: «Чтоб тебе там и потонуть!..» И пошёл до дому. Говорят, с того часу и рыбалить бросил.

Наступило короткое молчание.

— Теперь я не пойду купаться, — боязливо говорит Мирон.

— И я, — вторит ему маленький Лаврик.

Третий, низенький и коренастый Панько, растерянно оглядывает товарищей:

— А как же не купаться? Жарко ж.

— А как хотите: купайтесь не купайтесь, а водяной сидит и своего дожидается, — равнодушно, как о чём-то непреложном, роняет Василь и взглядывает на Петруся. — А ты, Петрусь, будешь купаться?

— Буду. Да ещё поплыву туда, где водяной сидит.

— Вот не поплывёшь!

— Поплыву!

— Там и без водяного запутаешься, — вставляет Панько.

Мирон взглядывает на солнце:

— Хлопцы, ещё рано. Пойдём раков тягать?

— Зачем они? — лениво отзывается Василь.

— Как — зачем? Наварим да будем есть.

— Не отравиться б, — замечает Панько.

— Паны ж едят!

— То паны. У них брюхо до раков приспособлено, а у мужика не примет, — уверенно заявляет Василь. — Еда — то панская.

— Батько говорил: что у пана, что у мужика брюхо одно, — вмешивается Петрусь. — Будем есть.

— Давай попробуем! — поддерживает Лаврик.

Василь вопросительно смотрит на товарищей и вдруг оживляется:

— А правда, давай!

— Пошли! — вскакивает Мирон.

Василь оглянулся на стадо:

— А кто останется?

— Я, — вызвался Петрусь.

— Ты? Добре. Гляди только, чтобы часом коровы не потянулись к Чёрному бучалу.

— Не бойся, Василь, догляжу.

— Лаврик, корзинку бери! — кричит Мирон.

Поравнявшись со стадом, Лаврик, заложив пальцы в рот, пронзительно свистит.

Откуда-то из-под берега вырывается мохнатая собачонка и со звонким, заливчатым лаем несётся за пастухами.

Петрусь оглядел дремлющее стадо и пошёл к берегу, на своё любимое место. Это был маленький зелёный мысик с низкорослой ивой и чёрной корягой, с которой ребята лягушками прыгали в воду.

Прислушиваясь, как ива, опустив свои гибкие зелёные ветви, шумно полощет их в быстрине, как какое-то насекомое басовито жужжит над ухом, мальчик задумался.

«И чего это Василь врёт? Водяной... Ведь то пустое. Где он?» — спрашивает себя Петрусь и вглядывается в реку.

Солнце пронизывает прозрачную толщу почти до дна. Вдруг в этой россыпи воды и света появляется рыбка. Её розовые плавники тихо шевелятся, рот беззвучно глотает воду. Рыбка боком взглядывает на мальчика и, вильнув хвостом, уплывает.

А Петрусь всё смотрит.

Вон под водой колеблется зелёная борода водорослей. Развеваемая течением, она словно кивает ему. На середине вереницей поднимаются со дна маленькие пузырьки, будто вода закипает. Василь говорит, что это дышит водяной, но Петрусь знает, что на дне рак.

Вдруг из глубины выносится тёмная извилистая лента и, клюнув воздух, штопором уходит в воду.

— Угорь! — шепчет Петрусь.

Он смотрит в густую чащу лилий и кувшинок. Рука мальчика разжимается — бич валится на землю. Мгновение — и Петрусь сбрасывает рубаху.

Несколько секунд он стоит обнажённый на солнце.

«Поплыву... нарву лилий и покажу хлопцам, что нет водяных!» — решает Петрусь и прыгает в воду.

Летят брызги, перед мальчиком широко катится водяная дуга. Мысик позади. Холодные языки течения лижут тело, тянут назад, но Петрусь удваивает усилия. Чтобы не было страшно, он гулко хлопает ладонями по воде, плескается, шумно дышит.

«Надо бы тише, — думает Петрусь. Но тут же ободряет себя: — Нет водяного, то Василевы враки».

Под ним появляется бредень водорослей, стебли щекочут, и мальчику кажется, что вот-вот из этой водяной пряжи появится рука, чёрная, длинная...

Лилии быстро надвигаются. Вода становится тёплой, как парное молоко. Петрусь видит на краешке листа кувшинки стрекозу. Золотистой синевой искрится сеточка крыльев, голубое брюшко то поднимается, то опускается. Насекомое вспархивает и,

пошевелив крылышками, садится мальчику на плечо.

Петрусь мгновение косится на зелёные глаза стрекозы. Цепкое прикосновение лапок неприятно. Мальчик встряхивает плечом — ноги уходят в глубину. Петрусь испуганно отталкивается ногами и уже ни на что не обращает внимания.

Кругом лилии. Рука мальчика опускается. Скользкий стебель натягивается, как струна, гулко рвётся. Одна лилия, две, пять... Довольно! Ещё несколько кувшинок. Всё. Сердце усиленно колотится. Скорее назад! Но Петрусь не торопясь, зная, как здесь опасно запутаться, переворачивается на спину, кладёт цветы на грудь и осторожно гребёт ногами. Он плывёт всё быстрее. Но вот его подхватывает холодная струя течения и подносит к берегу.

Петрусь на четвереньках карабкается на мысик.

«Эге, да в стаде неладно!»

И правда: несколько коров пасутся в стороне, а Красавка, любительница пошкодить, уже на пути к Чёрному бучалу — торфяной трясине, засосавшей пастуха и не одну корову.

Петрусь хватает бич, резкий щелчок оглашает воздух. Красавка насторожилась. Удар повторился — и строптивая коровёнка нехотя трусит к стаду, куда послушно вернулись и другие коровы.

Мальчик оглянулся — никого.

«Заловились», — улыбнулся Петрусь и, быстро одевшись, подошёл к лилиям. Он спрятал их в ветвях ивы, а сам с наслаждением раскинулся на спине. В его теле — ощущение лёгкости и прохлады, на сердце — чувство огромной радости и гордости.

«Я теперь смелый, как тот кобзарь... один плыл», — думает Петрусь и смотрит на небо. Оно кажется беспредельным, синим, как васильковое поле, глубоким-глубоким. Облако снежным комом валится на солн-

це, и ползучая тень крадётся по земле. Ещё миг — и солнечный поток стремительно вырывается из-за края облака, обдавая Петруся горячей лаской.

«Как хорошо! — радуется Петрусь. — Кабы люди были добрыми, как солнце... И не было таких людей, как староста... А пан? Может, он тоже такой...»

Петрусь вспомнил одно событие, и яркий день потускнел.

Случилось, что минувшим летом подул суховей. Его горячее дыхание захватило много земель, дошло и до Вербовья.

Казалось, не миновать голодной беды, но хлеба уже дозревали. Спелые колосья покорно поникли над полевыми дорогами.

Надо было торопиться с уборкой, а люди, брошенные на панщину, должны были шесть дней работать на графских загонах и только один день — на себя. Крестьянский хлеб осыпался. Чтобы спасти драгоценные зёрна, Степан с Катериной, как и односельчане, работали на своём поле по ночам. При свете месяца, измученные за день, они урывали несколько часов короткого ночного отдыха.

Лица людей осунулись, глаза лихорадочно блестели. Обессилев, они валились на землю и с серпами в руках засыпали.

А суховей всё дул. Серая мгла задёрнула багровое солнце. Горел торф, и едкий дым, стелясь по земле, душил работающих.

Истощённые люди заболевали.

Степан два дня боролся с недомоганием. На третьи сутки он с трудом оторвал отяжелевшую голову от подушки, силился подняться, но не мог.

Катерина, увидев его шарящую по стене руку, громко вскрикнула:

— Степан, что с тобой?.. Захворал ты?

Она подбежала к нему, помогла подняться.

— Нездоровится, — выдавил тихо Степан.

Печь, качаясь, поплыла в противоположный угол — Степан пошатнулся.

— Ложись, ты хворый! — умоляюще просила Катерина.

Она пыталась его уложить, но Степан, собравшись с силами, отстранил жену:

— Пойду... не хочу, чтобы панские псы канчуками выгоняли меня в поле.

— Нет на свете такого, чтобы хворого гнали на работу! — плакала Катерина.

— Нет, а у панов есть. Свалюсь — так на поле, — упрямо сказал Степан и вышел.

Когда он и люди стали на краю загона, солнце освещало их спины.

Потупа нагнулся — кровь прилила к голове, в ушах зазвенело.

«От болезни это», — думал Степан и всё чаще припадал к деревянному жбану, заливая водой горящее внутри пламя. Но это не облегчало, лишь крупнее становились падающие со лба капли.

А солнце жгло затылок всё нестерпимее, звон усиливался.

«Должно, и правда звонят», — думает Степан и разгибается.

— Сынку, — обратился он к Петрусю, вязавшему снопы, — чуешь — звонят?

— Где звонят, тату? — испуганно отозвался Петрусь и невольно посмотрел на сверкающий купол далёкой церкви.

— Выходит, то мне показалось, — скрывая слабость, сказал Степан.

Он было снова нагнулся, но Петрусь был уже рядом:

— Тату, идите домой. Я буду за вас работать!

Степан только махнул рукой:

— Пройдёт.

Но не успел он сжать и половины снопа, как ему показалось, будто он стоит на площадке родной звонницы. Управляемые невидимой рукой, звонили колокола, лишь самый большой молчал. Вдруг его могучий железный язык качнулся, и страшный гул потряс ослабевшее тело Степана. Серп вывалился из рук, перед глазами метнулись люди, снопы, земля...

Заработавшийся Петрусь не видел в это время отца, зато его видел объездчик Юзеф, давно наблюдавший за Степаном.

Хлестнув коня, Юзеф налетел на Степана и с криком: «Напился, лодырь!..» — сапогом, заложенным в стремя, пнул Потупу в лицо.

Степан без сознания рухнул навзничь. В этот момент Петрусь оглянулся. Ноги у мальчика подкосились, он со стоном опустился на сноп.

— Тату, тату! — шептали побледневшие губы.

Тогда Петрусь впервые услышал полные ненависти и гнева слова односельчан. Люди бросали работу, обступая Юзефа кольцом. Несколько худых рук угрожающе подняли серпы.

— Геть, собаки! — кричал Юзеф, потрясая плетью, а его налитые злобой и страхом глаза бегали по лицам людей.

Объездчик поворотил коня, и только теперь опомнился Петрусь — прыгнул на место, где лежал отцовский серп, схватил его и судорожно швырнул в Юзефа. Над головой объездчика сверкнула молния, и серп упал далеко в поле, взбив клубок пыли. Юзеф оглянулся, но так и не увидел, кто бросил серп.

Петрусь подбежал к отцу. Знойный ветер шевелил над головой Степана кустики васильков, и синие цветы, склонившись к лицу, словно пытались что-то сказать.

О, пройдёт много лет, но Петрусь не забудет без-

жизненного родного лица с ручейком крови, стекающим на сухую, жадную землю!..

Охваченный воспоминаниями, Петрусь забылся. Забылся и не видел, как ястреб комом упал в тростниковую заросль, настигая добычу; не видел, как панский объездчик мчался к стаду; не видел Красавки, вступившей на ярко-зелёный полог трясины.

Нарастающий гул конского топота заставил его вздрогнуть. Испуганно обернувшись, мальчик вскочил на ноги.

Красавка — в Чёрном бучале, а на него, пришпоривая лошадь, несётся Юзеф.

«Ой, что я наделал!» И Петрусь ещё не успел осознать ужаса происшедшего, как Юзеф на всём скаку остановил перед ним взмыленного коня.

— Где пастухи? — крикнул объездчик.

Петрусь молча смотрел на Юзефа, и только одна мысль — спасти корову — металась в его сознании.

— Скажешь ты, где пастухи? — ещё раз вскрикнул Юзеф.

Не дождавшись ответа, он приподнялся на стременах и с размаху хлестнул мальчика плетью.

Острая боль обожгла плечо.

Петрусь упал под ноги лошади, но тотчас вскочил и, подгоняемый криками объездчика, бросился к Чёрному бучалу.

«Пропадёт Красавка — что с батьками будет!» — вихрем пронеслось в голове мальчика.

Сначала под ногами мелькали луговые травы, потом проскочила рыжая, покрытая паутиной трещин торфяная земля с редкими белёсыми растениями, и наконец из ярко-зелёной травы трясины замигали первые незабудки Чёрного бучала.

А ведь когда-то на месте Чёрного бучала простирался всё тот же необъятный луг, ветер колыхал густые травы, звенели кузнечики. Но в одно летнее

утро всё изменилось: небрежный пастушеский костёр поджёг торф. Огонь, вначале робкий и слабый, усиливаясь, глубоко зарылся в торфяной пласт, и его чадное дыхание долго душило окрестности, пока обильные осенние дожди не заглушили возникший пожар.

В половодье вода промыла обгоревшее место, да так и осталась в нём, как в чаше. С годами прожог затянулся ровным ковром травы, под которым хлюпала гибельная чёрная жижа трясины. Лишь на середине круглилась зловещая полынья, где на коричневой поверхности вздувались зелёные пузыри. Люди эту страшную отдушину назвали «дыхалом». В тёплые, влажные ночи было слышно, как в ней будто кто-то сипит и тяжело вздыхает. Кое-кто из крестьян думал, что это стонет и жалуется пастух Прокоп, затянутый топью.

Тонкий травянистый покров болота скрывал предательские «окна», и только там, где торф выгорел не так глубоко, бугрились редкие кочки.

Крестьяне боялись Чёрного бучала, в особенности в ночном, когда стреноженные кони близко подходили к опасному месту. Одно время от трясины пытались избавиться — рыли через неё канаву, но люди не окончили и половины работ: топь засасывала. После этого осталась узкая лента светлой, отстоявшейся воды.

Петрусь стремительно влетел на трясину. Ноги быстро мелькали, едва касаясь зыбкого зелёного одеяла болота.

Надвигается, растёт Красавка. Чёрное бучало рябит, отчего Красавка кажется окутанной в зелёный туман.

Впереди сверкнула холодная полоска воды.

«Канава!.. Не с того боку зашёл!..»

Петрусь, спотыкаясь, огляделся. Сбоку — отверстие «дыхала», огромное, зловещее.

Объездчик приподнялся на стременах и с размаху хлестнул мальчика плетью.

Но что это?

Мальчик оцепенел. Всё болото, насколько хватал глаз, двигалось, как живое, перекатываясь тяжёлыми зелёными волнами.

Петрусь увидел, что он стоит на дне глубокой воронки, рядом уже прорвалась и ключом бьёт чёрная, как дёготь, вода, а под ногами что-то угрожающе трещит, словно невидимые зубы рвут мешковину.

Слабо вскрикнув, Петрусь было повернул назад, но трясина бугром вздымала мшистый покров. Подминая его, Петрусь сделал несколько неуверенных шагов. Студёная вода обдала ноги, внизу затрещало.

«Ложись!» — подсказывал внутренний голос, и Петрусь, распластавшись, пополз. В голову ударил тяжёлый запах трясины, голубыми мушками закружились в глазах незабудки. Петрусю казалось, что он ползёт по лохматому брюху неведомого животного, внутри которого что-то лопается, урчит, хлюпает.

«Пропаду, погибну!» — стучит в висках.

Мальчик, задыхаясь, остановился. Приподнявшись, он увидел похожий на ежа бугорок. Кочка! Петрусь рванулся, и когда его дрожащие ноги укрепились на кочке, под ней захрустело, кочка дрогнула и стала медленно погружаться в трясину.

Петрусь, ухнув, опустился на корточки. Глаза его лихорадочно заметались по болоту.

«Вон ещё бугор... Перебегу!»

Вихрем перенёсся он к новому спасительному островку. Осмотрелся. Кругом безмолвной зыбью волнуется трясина, на покинутом месте — озерцо воды, справа — канава, а за ней, совсем близко, — Красавка.

«Красавка!.. Живая!.. — И Петрусь замечает, что берег, на котором стоит корова, выше, на нём даже прилепился кустик. — Перескочу!.. А ну как не перескочу?..»

Но медлить нельзя. Петрусь бросается на зыбкий покров и, не давая ему прорваться, передвигается всё дальше. Канава. Мышцы напрягаются. Тело мальчика тенью проносится над водой, ударяется о берег, скользит по его откосу и сразу окунается по пояс в воду. Но руки сами хватаются за ветви ивы. Извернувшись, Петрусь выбрасывается на берег. Берег отвалившимся ломтём осел в канаву. Мальчик отчаянно завозился. Ступня наткнулась на корень ивы, оттолкнулась — Петрусь перескочил за линию оползня, а корни, развернувшись диковинным пауком, растаяли в канаве.

Красавка рядом.

— Назад! — дико кричит Петрусь.

Почуяв опасность, корова встревоженно подняла голову, беспокойно затопталась и тяжёло затрусила в сторону. Впереди неё широко покатился зелёный вал, позади, выбиваясь из сил, бежал Петрусь.

С каждым шагом вал становился всё меньше. Наконец он исчез — под ногами была твёрдая почва. Но Петрусю казалось, что самое страшное ещё впереди. Не веря в избавление, он глазами искал Юзефа.

В то время, когда Петрусь выбирался из трясины, объездчик, стоя у края болота, азартно размахивал нагайкой.

— Прокопа-утопленника покличь на подмогу! — веселился он.

Увлёкшись, Юзеф дал коню шпоры: горячая лошадь взвилась на дыбы, едва не сбросив ездока в трясину.

— Тю, сумасшедшая!

Юзеф рванул храпящего коня в сторону.

— А-а-а... Вот они! — оглянулся объездчик.

«Куда это он? — подумал Петрусь, видя, как Юзеф припустил коня. — Ой, хлопцы бегут! Ну, пропали...»

Мальчик, задыхаясь, опустился на землю.

Последним, сгибаясь под тяжестью корзины, бежал Панько.

Ребята, увидев приближающегося к ним гайдука, растерянно остановились.

— Попрятались, суслики! — кричал Юзеф. — Вот я вас...

Подскочив к Василю, объездчик замахнулся на него нагайкой:

— Старший, а корову упустил! Гулять задумал!

— Не бейте! То мы пану графу раков ловили! — загораживаясь ладонью, отчаянно закричал Василь.

Рука с плёткой застыла в воздухе и медленно опустилась.

— Сами ж не едим... для пана... — лепетал ободрённый Василь. — Спросите у хлопцев.

Юзеф уже не слушал — увидев корзину, он спрыгнул на землю.

Обдавая острым запахом тины, в переполненной плетёнке шуршала серо-зелёная масса.

Вытащенный объездчиком рак громко защёлкал хвостом.

— А таки ясновельможный пане любит их, — разглядывая рака, процедил Юзеф.

Он щёлкнул пальцами, по губам пробежало нечто похожее на улыбку:

— Поднесу-ка я пану подарок... — Юзеф оглянулся: — А, вы ещё тут?

Пастухи так и подхватились.

— А ты, головастый, постой! — крикнул он белобрысому Мирону.

— Куда це, дядько?

— Пошёл за мной!

Юзеф быстро вскочил в седло.

Мирон с тоской оглянулся на товарищей и поднял корзину.

Первым подбежал к Петрусю Василь:

— Что ты наделал, Петрусь?

Петрусь, тяжело дыша, водил дрожащей рукой по голове. Штаны по пояс лоснились от чёрной илистой грязи, а сквозь расстегнувшийся ворот рубахи на плече розовела опухоль.

— Он тебя бил? Скажи, Петрусь!

Петрусь медленно стащил рубаху.

— Ой-ёй-ёй!

— Гляди, а на спине кровь!

— Как это получилось? — спросил Василь.

Петрусь непонимающе взглянул на него и вместо ответа вытащил из ветвей связку цветов.

— Хлопцы, я плыл... водяного нема... вот нарвал... — отрывисто начал Петрусь.

Ребята со страхом глядели то на лилии, то на товарища.

— Плыл, а корова ушла! — с укором сказал Василь и отвернулся.

— Да не, Василь, я задумался, лёг, а он и наскочил!

Никто не проронил ни слова. Все, как по команде, обернулись и долго смотрели вслед удалявшемуся всаднику и ковылявшему за ним Мирону.

— Петрусь, не журись... Ты пойди помойся, а мы одни управимся... — тихо сказал Василь и повернулся к ребятам: — Панько, поднимай стадо! А ты, Лаврик, заходи с того боку!

Залаяла собака, захлопали бичи, и проголодавшееся стадо дружно поднялось на вечернее пастбище.

Петрусь почувствовал, как нахлынувшая теплота зажгла лицо, подступает к глазам, и, как был полуодетым, он скользнул в воду, повернулся к товарищам спиной, чтобы те не заметили, как он плачет.

Слёзы, мешаясь с водой, уносили последние сле-

ды пережитого, а Петрусь, обращаясь к кому-то, повторял:

— Пойду до пана, пойду... Посмотрю...

6

АНДРЕЙКА

Наконец-то Петрусь попадёт в усадьбу к пану!

Всё было улажено: гайдук, приставленный смотреть за пастухами, заболел, а старший пастух согласился отпустить Петруся.

Оставались родители. Мальчику не хотелось поверять им свои замыслы — боялся, что ему помешают, а то и вовсе могут не пустить. Но в то же время нельзя было не сказать, что один день он не пойдёт пасти скот. Когда вечером он сказал об этом родителям, Степан вопросительно поднял брови, а Катерина, резавшая хлеб, придержала нож.

— Чего так? — коротко спросил отец.

— Да будет другая работа, — нехотя ответил Петрусь.

Утомлённые тяжёлым дневным трудом, родители не стали дальше расспрашивать.

Ночью мальчик спал плохо. Он поднялся рано, вышел во двор.

Оглядывая предутреннее бледно-зелёное небо с редкими, слабо мерцающими звёздами, Петрусь подумал: «Скорее бы солнце вышло!»

За завтраком он рассеянно, торопливо глотал картошку и, против обыкновения, молчал.

Степан давно заметил волнение сына и ждал, когда тот сам заговорит. Наконец он не выдержал:

— Куда это ты так торопишься?

— Дело есть.

— Какое?

— Так, маленькое.

— Говори толком.

— Я ж говорю — маленькое. Вот сделаю — расскажу...

Потупа сурово глянул на сына, но подумал: «Твёрдый, это добре».

— Ох, Петрусь, — отозвалась Катерина, — смотри не попадись панским волкам на зубы!

— Не бойтесь, мамо, я никуда не попаду.

Катерина покачала головой:

— Гляди, хлопче.

Петрусь уже не слушал мать и выбежал из хаты.

Мальчик знал, куда идти: давно было облюбовано им место у гребли на Большом шляху, откуда он проберётся в усадьбу графа.

Слыша, как тревожно бьётся сердце, Петрусь думал: «Вот пойду до пана и погляжу, какой он есть».

Выбравшись на шлях, огибающий панскую усадьбу, мальчик неожиданно увидел больного Андрейку. Его фигура, освещённая солнцем, резко выделялась на пустынной дороге. Худой, как шест, без шапки, покрытый выцветшими лохмотьями, он что-то высматривал в бездонном синем небе.

— Гей, Андрейка, что ты там видишь? — крикнул Петрусь.

Больной отпрянул в сторону и с опаской оглянулся... Не раз слышал Петрусь рассказы односельчан о причине безумия Андрейки.

Несколько лет назад любимая курица мальчика перелетела ограду панского сада. Всё дальше и дальше мелькал в густой траве её гребешок.

Андрейка полез через ограду. Здесь его и поймал сторож. Напрасно мальчик уверял, что он не вор, что он только Рябку хотел поймать, сторож его не слушал.

Упирающегося Андрейку сторож потащил к гра-

фу Казимиру Шауле в террариум. Стоя возле клетки, владелец усадьбы наблюдал за кормлением удава.

Мальчик отшатнулся, увидев, как чудовищная змея, метнувшись вперёд, схватила кролика...

— Воришку поймал, ясновельможный пан, — доложил сторож.

Холодный взгляд графа мельком остановился на Андрейке.

— Бросишь его завтра удаву. А пока — в погреб.

— Будет исполнено, ясновельможный пан, — вытянулся сторож.

«Я не брал яблок, не брал...» — хотел было крикнуть Андрейка, но рот его лишь беспомощно кривился.

Плачущего Андрейку втолкнули в погреб. Могильный мрак обступил мальчика. Из темноты доносился тонкий крысиный писк.

Андрейка поверил, что его бросят на съедение удаву. Да как было не поверить — ведь это приказал сам пан граф! Мальчик устал кричать и плакать. Всё ярче возникала перед ним картина предстоящей расправы; всё неотступнее маячила перед ним пасть удава. Чтобы не видеть её, Андрейка, закрывая глаза руками, забился в угол, но образ змеи преследовал его и тут.

Когда дверь погреба открыли, перед панскими слугами лежал, скорчившись, потерявший разум Андрейка.

Обо всём этом от них и узнали люди...

Жалость к Андрейке охватила Петруся. Он подошёл к больному хлопцу и взял его за руку:

— Не бойся, Андрейка! Это я, Петрусь.

Взгляд Андрейки, до этого дикий, блуждающий, стал детским. Только глубокая грусть светилась в нём.

— Андрейка, вспомни меня, я же Петрусь... Помнишь Петруся? — допытывался маленький Потупа.

Мучительное напряжение появилось на лице Андрейки, лоб покрылся морщинами.

— Петрусь, — наконец прошептал он. — Потупа.

— Ага, Потупа! Ты ещё учил меня на дудке играть! — радостно отозвался Петрусь.

— На дудке... помню, — тихо выговорил Андрейка, и глаза его стали ясными, чистыми. Казалось — вот-вот прорвётся тонкая пелена, отделяющая сознание от мрака.

— Вспомнил, смотри! Вспомнил, как на панском лугу мы под дубом играли! — удивлённо воскликнул Петрусь.

— На панском... панском... пан... — невнятно забормотал Андрейка и, будто увидев что-то страшное, отшатнулся, прикрывая рукой вновь появившийся в глазах странный блеск.

— Андрейка, не бойся, я же Петрусь — не пан! — отчаянно крикнул Потупа.

Но было уже поздно: Андрейка, как бы отталкиваясь от него рукой, попятился, затем повернулся и опрометью пустился бежать. Вскоре он скрылся за поворотом дороги, и только облако тонкой пыли напоминало о том, что здесь был Андрейка.

— Эх, то я его паном напугал! — вслух сокрушался Петрусь, оставшись один. — Нехорошо мы делали, что смеялись над Андрейкой. То ж пан его...

Но тотчас мысленно перебил себя: «А може, не пан?.. Вот я узнаю...»

И Петрусь вдруг вспомнил, куда он идёт и как ждал этого дня.

От нетерпения видеть пана, узнать правду о нём Петрусь уже не мог идти шагом и бегом пустился к гребле.

7

ЗА ОГРАДОЙ

Протекающий под греблей ручеёк вырывался из небольшой круглой арки в ограде, за которой широко раскинулся графский сад. По сторонам ручья тесно переплетались покрытые налётом дорожной пыли побуревшая крапива и ещё зелёный, с колючими шишками дурман. Растения плотно обступили ручей, прикрывая отверстие арки. Это и было то место, откуда Петрусь собирался проникнуть в барскую усадьбу.

Подбежав к гребле, мальчик оглянулся. Убедившись, что вокруг никого нет, он быстро сбежал с мостика и, засучив штаны, опустил ноги в холодную воду илистого ручья. Раздвигая руками удушливо пахнущий бурьян, Петрусь обжигался крапивой, натыкался на острые шипы головок дурмана.

Наконец показалась арка. Один только оставшийся ржавый прут мешал мальчику влезть в проход. Еле держась в гнезде, он сиротливо торчал над водой.

Ухватившись за прут, Петрусь сначала потянул его на себя, потом с силой толкнул вперёд. Послышался короткий визг — прут выпал из гнезда и шлёпнулся в воду. Лицо Петруся обдало холодными брызгами. Мальчик замер, прислушиваясь к громким ударам сердца. И только когда, словно сквозь сон, послышалось далёкое конское ржание на селе, Петрусь пришёл в себя, быстро нагнулся и, вздрагивая от прикосновения воды, полез под ограду.

Огромный сад изнемогал от обилия плодов. Нежно и заманчиво светились они на отягощённых ветвях. Время от времени слышался шелест падающего созревшего яблока и гулкий удар его о землю. Тучи насекомых — ос, пчёл, шмелей — копошились на

влажной мякоти груш, наполняя воздух ровным, протяжным гудением. Это гудение, похожее на тонкий звон, изредка покрывалось мощным жужжанием шершня.

Вокруг царила безлюдная тишина — тишина созревающего сада, как это бывает в знойный день позднего лета. Но Петрусь знал, что это обманчивая тишина, что сад стерегут сторожа, а также цепные псы, возможно спущенные в эту пору.

В это время старший сторож, прозванный мальчишками «Пьяна звирюка», дневалил у себя в шалаше. Он сидел на покрытых овчинами досках и курил длинную черешневую трубку. Рассеивался дым — появлялись рыжие усы, красно-бурое, в веснушках лицо.

На деревянной тумбе перед сторожем высился штоф с водкой, лежал хлеб. Тут же валялся нож с загнутым, как у ятагана, концом. У входа белела прислонённая к стене дубина.

От кислого запаха овчин, водки, табачного дыма в шалаше стоял тяжёлый смрад. Было душно, но, несмотря на это, сторож сидел в охотничьих сапогах и кафтане, застёгнутом до самой шеи.

Обхватив заскорузлыми длинными руками голову, «Пьяна звирюка» что-то напевал, наполняя тесное помещение низкими, басовыми звуками. Замолкая, он вытягивал голову и долго прислушивался.

Но как бы он вскочил, если бы знал, кто стоит рядом, у его логова, чьи пытливые глаза давно следят в щёлку за его движениями, ощупывая взглядом каждый предмет в его шалаше!

Когда «Пьяна звирюка», положив голову на тумбу, захрапел, Петрусь медленно пополз дальше.

Из сада мальчик прошёл в цветник. От обилия диковинных цветов у него зарябило в глазах: цвели георгины. Ему показалось, что они необыкновенно

пахнут, и, наклонив крупный, как подсолнух, георгин, Петрусь припал к нему лицом, но тотчас разочарованно отпустил: «Такие красивые, а не пахнут!.. А что это?»

Посреди круглого водоёма возвышалась каменная статуя. Сильные струи воды дробились в воздухе, серебристым дождём падали в мраморную чашу бассейна.

В водоёме плавали словно вылитые из червонного золота рыбки.

Отойдя от фонтана, мальчик засмотрелся на оранжереи. Сверкающие стеклянные крыши делали их похожими на маленькие дворцы.

«Должно, пан живёт там. Пойду погляжу».

Опустив в открытую раму цветочной оранжереи голову, Петрусь словно окунулся в насыщенный влагой, душный воздух.

Здесь цветы были ещё ярче, ещё диковиннее, чем те, какие он видел на клумбах.

— Как бабочки! — шептал Петрусь, и ему казалось, что под ним не цветы, а яркий волшебный ковёр.

В глубине оранжереи зашаркали чьи-то шаги. Петрусь отскочил от рамы и растерянно огляделся.

Рядом тянулся высокий забор. Мальчик, как кошка, прыгнул на забор и через мгновение был на другой стороне.

Коснувшись земли и очутившись среди домиков террариума, построенных графом для змей, он с любопытством огляделся.

Домики стояли на столбах и тянулись рядами, а висевшие на них дощечки на непонятном мальчику латинском языке сообщали родину, название и дату появления змеи в террариуме.

«Как ульи на пасеке», — подумал Петрусь.

Заглянуть в них он не успел — послышались люд-

ские голоса, и мальчик поспешно юркнул под ближайшую клетку. Доски, закрывающие просвет между столбами, скрыли его.

Голоса приближались.

Петрусь заглянул в щель и тут увидел самого пана — владельца Вербовья, хозяина тысяч крепостных крестьян.

Граф запоздал с обходом своего питомника. Одет он был, как обычно в утренние часы: на нём была светло-жёлтая венгерка; такого же цвета, как и венгерка, брюки; на ногах малиновые домашние туфли. На чёрной шелковинке свисало стёклышко монокля, в руке покачивался длинный стек.

Так вот он какой, пан...

Вглядевшись в бездушное, как маска, лицо графа, Петрусь понял, что лучше на глаза ему не показываться.

В сопровождении служителей террариума граф Шаула спокойно переходил от одной клетки к другой.

За ним семенил низенький, толстый человек с красным лицом, с торчащими в стороны, будто пики, усами.

«Старший», — решил Петрусь.

Подойдя совсем близко, граф мельком взглянул на домик, под которым притаился мальчик.

Вскинув монокль, Шаула остановился у клетки напротив.

Только тут Петрусь увидел сквозь кольца решётки гигантскую змею.

Это был удав, вывезенный графом из Южной Америки.

Свернувшись в кольцо, змея лежала неподвижно.

Шаула просунул через отверстие решётки стек и осторожно погладил им по чешуе удава.

Подошёл с подносом в руках лакей.

Граф сделал знак, и служители, поклонившись, удалились.

На подносе, принесённом слугой, стояли бутылка с хрустальным бокалом, покрытые белоснежной салфеткой с вышитым гербом графа.

Лакей снял салфетку, и солнце радужными самоцветами заиграло на хрустальных гранях, вспыхнуло на золоте подноса. Янтарная жидкость полилась в бокал и наполнила его до краёв. Граф уже было протянул руку к напитку, но салфетка, лежавшая у края подноса, неожиданно поползла вниз. Лакей подхватил её, бокал качнулся и упал набок. Растерявшийся слуга ещё более накренил поднос. Хрустальный бокал, прозвенев, свалился на песок.

Граф молча опустил протянутую руку, поднял другую, со стеком, и резко ударил по лицу лакея.

Петрусь увидел, как побледневший лоб слуги пересекла лиловая полоса.

«И за что он его? Он же нечаянно!» — пронеслось в мыслях у мальчика.

— Я научу тебя быть лакеем! — процедил граф.

Слуга словно окаменел. Наконец веки его дрогнули. Он опустился на одно колено и осторожно поднял с земли упавший бокал. Втянув голову в плечи, лакей поспешил к замку.

Граф повернулся, и взгляд его упал на щель, из которой выглядывал мальчик.

Петрусь вздрогнул: он не успел отвести глаз от щели. Но, занятый своими мыслями, граф не заметил мальчика.

В эти тягостные минуты Петрусь понял, что граф может сделать с ним что угодно, как с этим лакеем, как поступил с Андрейкой, и ему ничего не будет — никто не остановит его.

Медленно ползло время. Граф стоял словно в оцепенении. Осторожное покашливание заставило

его обернуться. И Петрусь увидел лакея, вновь стоявшего с подносом в руках.

На этот раз граф сам налил вина в бокал и залпом осушил его. Не взглянув на лакея, он, похлопывая стеком по ноге, удалился.

Глубокий вздох облегчения вырвался из груди Петруся. Его онемевшие, словно замороженные члены стали теплеть, оттаивать.

Подождав, пока шаги графа затихли, лакей сделал несколько жадных глотков из бутылки.

Петруся вдруг потянуло на луг, к своему мирному стаду, к товарищам, к родной хате.

«Пойду расскажу хлопцам, какой есть пан, какая его правда», — думал Петрусь, прыгая с забора террариума в цветник.

* * *

Тревожный лай разбудил сторожа. Подняв голову, «Пьяна звирюка» прислушался. Его любимый пёс, волкодав Бабан, зря не лаял. Сторож поспешно выбежал из шалаша...

В этот знойный день Бабану не сиделось на месте. Его тянуло в садовую тень побегать, поваляться у прохладного ручья. Изнывая от жары и скуки, он забрался в будку, но там было душно, пыльно, и пёс, чихая, выбрался обратно. Тоскливо скуля, Бабан, громыхая цепью, раза два пробежал вдоль проволоки, к которой он был прикольцован. Двор показался ему пустынным. Бабан отбежал от проволоки, пригнулся к земле и, напрягая могучие мышцы, рванулся вперёд.

Цепь, звякнув, понеслась вслед, натянулась, дёрнув Бабана за ошейник. Перевернувшись в воздухе, собака упала на спину, но тут же вскочила, отряхиваясь и фыркая.

Бабан не раз обрывал цепь, и хитрого, разгорячённого пса не остановила неудача. Озлившись, дрожа от нетерпения, он повторил прыжок. Когда его лапы повисли в воздухе, а голова запрокинулась, цепь лопнула. Освободившийся Бабан, с обрывком цепи на шее, львиным прыжком перемахнул через изгородь псарни.

Направляясь к ручью, он вихрем пронёсся по саду, потом побежал медленнее, на ходу обнюхивая землю. Вдруг пёс остановился, глухо зарычал, ощетинился: запах Петруся почуял он на слегка примятой босыми ногами траве.

Собака быстро пошла по следу и вскоре уткнулась в арку, через которую Петрусь пробрался в сад. Громко лая, Бабан поднял тревогу. Прошло немного времени, и «Пьяна звирюка», сдвинув брови, разглядывал прут, сломанный мальчиком.

— Ищи, Бабан, ищи! — поощрительно гудел «Пьяна звирюка».

Словно не слыша нетерпеливых окриков сторожа, Бабан нюхал воздух, беспокойно тыкался мордой в землю.

Чем больше сердился «Пьяна звирюка», тем бестолковее становился пёс.

Жалобно взвизгивая, он кружился, возвращался назад, но запах Петруся словно растворился в аромате плодов.

Тогда «Пьяна звирюка» опустился перед собакой на корточки, положил на её голову руку и ласково заговорил:

— Ну постой, дурачок, постой, отдохни. А злодей от нас не уйдёт, не-ет...

Его рука поплыла по загривку и спине собаки. Бабан вздрогнул, взъерошил шерсть, оскалив крупные, как жёлуди, клыки.

— Цыц, дурной! — прикрикнул сторож.

Постепенно рычание пса перешло в тихое, довольное ворчание, и он, полузакрыв глаза, отдался непривычной ласке.

«Хватит», — подумал «Пьяна звирюка» и быстро поднялся.

— Теперь ищи! — коротко приказал он.

Бабан как бы пришёл в себя, встрепенулся, побежал вперёд. Ещё немного — и стойка и взмах хвоста показали, что след найден. Теперь сторож едва поспевал за ним. Собака с разбегу остановилась у сторожки. Шерсть на её спине поднялась дыбом.

«Ужель воры?»

Ярость охватила сторожа.

— Веди! — прохрипел он так, что Бабан отпрянул в сторону.

Пёс привёл сторожа к площадке, где Петрусь нюхал георгин, оттуда — к оранжерее, от неё — к высокому забору, на который стал свирепо прыгать.

Надев Бабану намордник, «Пьяна звирюка» потащил его к калитке. Толкнув дверцу, сторож тревожно оглядел питомник. Ни графа, ни служителей уже в нём не было.

Бабан рванулся к клетке, под которой ещё недавно сидел Петрусь.

Спина сторожа покрылась испариной: «Чужой в террариуме!..»

Схватив Бабана за ошейник, он выволок пса за калитку.

По тому нетерпению, которое охватило собаку, сторож понял, что чужой близко. Но цветник кончается, а его всё нет.

«Уйдёт!..» — испугался «Пьяна звирюка», срывая с пса намордник.

Из-за кустов показалась свора сторожевых собак. Она налетела на Бабана и окружила его плотным кольцом.

Свирепо кусая собак, волкодав прорезал собачье кольцо и вновь пошёл по следу. Собаки, признав Бабана за вожака, бросились за ним.

* * *

Петрусь пересек цветник и углубился в сад. В саду он невольно замедлил шаг. «Возьми», — манили лежащие на земле плоды. «Сорви», — словно шептали висящие на ветках яблоки. И Петрусь не удержался: наклонившись, он поспешно поднял крупную, похожую на молодую дыню, антоновку, сунул её за пазуху, но тотчас же замер: со стороны цветника донёсся разноголосый собачий лай, словно это ввысь взметнулась галочья стая. Нарастая, лай катился к саду.

Ограда была рядом. Петрусь прыгнул на каменный цоколь и стал подтягиваться на прутьях решётки. Вдруг что-то тёмное, рычащее взметнулось к его ногам, и через мгновение клок из штанов уже мотался в клыкастой пасти подоспевшего с собаками Бабана.

Подняв морды к повисшему на решётке, сжавшемуся в комок мальчику, собаки заливались злобным лаем.

Держась за железные пики, Петрусь хотел спуститься на цоколь, но при каждой его попытке улизнуть Бабан прыгал на ограду и, царапая по откосу цоколя когтями, оскаленной мордой тянулся к пяткам мальчика.

Балансируя руками, Петрусь встал на узкую железную планку, скрепляющую пики решётки. Цепляясь за ветви яблонь, он, осторожно ставя ноги, пошёл по планке. Свора, не отступая от него, бежала рядом.

Из чащи деревьев вынырнул «Пьяна звирюка».

Подняв морды к повисшему на решётке мальчику, собаки заливались злобным лаем.

Вскинув глаза, он неожиданно остановился и остолбенело уставился на мальчика.

Разбрасывая подвернувшихся под ноги собак, он кинулся к ограде.

Увидев сторожа, Петрусь пошатнулся. Удерживая равновесие, мальчик поднял руку, рубашка выпросталась из штанов, и антоновка, подобранная им в саду, выскользнула из-за пазухи.

Отскочив от удара о цоколь, яблоко, упав на землю, покатилось по траве. Бабан, свирепо рыча, кинулся за яблоком. Это на короткое время отвлекло пса от Петруся.

Ящерицей скользнув на цоколь, мальчик легко спрыгнул на землю. Стремглав пустившись вдоль ограды, он вскоре затерялся в густых подсолнечниках на огородах.

8

КОБЗАРЬ

Прошла зима. Весенние лучи растопили снежный покров. На возвышенностях появилась первая трава. Оглашая воздух протяжным мычанием, снова потянулись в утренней дымке на пастбище стада.

Петрусь остался панским пастухом...

— Давно ждём тебя, хлопче, — произнёс однажды Степан, когда уставший за день Петрусь переступил порог хаты.

Мальчик выжидательно глянул на отца:

— С ярмарки, тату?

— Угадал, сынку, с ярмарки. И косу купил, и для тебя что-то есть.

— Неправда, тату, вы шутите!

Степан, не отвечая, смотрел на сына. Добрые глаза его смеялись.

— Не томите, тату! Говорите, что привезли!..

— Угадай — казаком будешь! — шутит Степан, и густые клубы махорочного дыма закрывают его лукавое лицо.

Петрусь в раздумье вздыхает:

— Бублик?.. Глиняного петуха?.. Деревянного коника?..

При каждом вопросе сына Степан отрицательно качает головой.

«Нет, то для маленьких», — подумал Петрусь и растерянно оглянулся на мать:

— Мамо, скажите хоть вы!

С улыбкой, переглянувшись с мужем, Катерина сказала:

— В мешке у батька лежит такой подарок, что с самим золотом поспорит.

— Мамо, и вы загадки загадываете! — с досадой вскричал Петрусь. — Вот не буду любить вас!..

Довольный возбуждением сына, Степан наконец смягчился:

— Ну уж добре, бери.

Он наклонился над лежащим у его ног мешком, вытащил из него небольшую книжку и протянул её сыну.

Петрусь схватил подарок обеими руками, прижал к груди.

«Доволен!» — растроганно думает Степан, глядя на порозовевшее от счастья лицо сына.

— Батьку благодари, — мягко напоминает Катерина.

— Спасибо, тату! — благодарит Петрусь.

Подбежав к окну, он жадно рассматривает напечатанные на обложке слова: «Кобзарь... Шевченко»...

Чем-то родным повеяло на него от знакомых слов.

— Мамо, засветите огонь. Читать будем! — нетерпеливо говорит мальчик.

— Скаженный! — смеётся Катерина. — Вечеря на столе, а он — читать.

— Нет, сынку, так не годится: повечеряем — почитаем, — поднимаясь с лавки, говорит Степан.

Давно убрали со стола посуду. Уже и фитиль каганца вытягивал последние капли масла, а Петрусь всё читал и читал.

— Надо же такое человеку придумать: от сердца идёт и до сердца доходит! — вздыхает Катерина.

Степан ходит по хате, изредка ласково кидает:

— То свой, хлебороб...

В эту ночь певучие строфы «Кобзаря» долго не давали Петрусю спать.

«Прочту завтра хлопцам», — решает он и, глядя в темноту, тихо повторяет:

Ревёт и стонет Днепр широкий,
Сердитый ветер листья рвёт,
По долу клонит лес высокий
И волны грозные несёт.

«Так только музыка играет...» — думает Петрусь и, убаюканный ровным скрипом сверчка, засыпает.

На другой день у края заросшей кустарником балки, в прохладной тени под вековым дубом, отдыхали пастухи.

Ярко поблёскивает на солнце тёмно-зелёная одежда лесного богатыря. Не дрогнут раскидистые ветви. Лишь у вершины лёгкий ветерок бесшумно покачивает тяжёлую, как парча, зелень.

Прислонившись к дереву, старший пастух Василь вырезывает на ореховой палочке затейливый рисунок. Петрусь с сумкой через плечо, забыв обо всём на свете, подтягивается на локтях за ползущим муравьём. Мирон и Лаврик лежат на спине и смотрят на могучий ствол, уходящий в небо.

— Гляди, — толкает товарища Мирон, — дуб на глазах растёт...

— Правда, растёт! — удивлённо соглашается Лаврик.

— Когда мы обедали, он чуточку меньше был... — продолжает Мирон.

— А что, если он до неба вырастет и за него облако зацепится, тогда что? — озабоченно спрашивает маленький Лаврик, тревожно поглядывая вокруг.

— Не дотянется, где ему... — лениво машет рукой Мирон. — Силы ж не хватит.

— Дотянется, — убеждённо роняет Василь. — Дид говорит — под дубом казак зарыт. Возьмёт его силу дерево — и поднимется до облака.

— Аж до облака! — пугается Лаврик. — А как завалится и село придавит?..

— Ой, хлопцы! — вскакивает Петрусь, и глаза его загораются радостным блеском. — Батько мне книжку купил на ярмарке, про казаков. Кобзарь её написал...

Лаврик и Мирон садятся на землю и с любопытством глядят на Петруся.

— Покажи, — отбросив палку, говорит Василь.

Петрусь роется в сумке и вытаскивает бережно завёрнутую в серую холстину драгоценную книжку.

— Вот она!

Руки пастухов тянутся к «Кобзарю».

Схватив книжку, Лаврик даже понюхал её, а Василь, взвесив на руке, протянул:

— Ой и толстющая!

— И ты, Петрусь, всю её прочитал? — допытывается Мирон.

— Вот уже сколько! — с гордостью показал Петрусь.

— Нам почитай, — просит Василь.

— Про гайдамаков? — загорается Петрусь.

— Про них! Ох, люблю! — кричит Мирон.

— А кто они — злодии? — спрашивает Лаврик.

— Эх, ты! — с презрением говорит Мирон. — Казаки они!

— За волю они шли, против панов, — поясняет Петрусь.

Лаврик снова хотел было что-то спросить, но Василь так на него зашипел, что маленький пастушонок только робко заморгал выцветшими на солнце ресницами.

— Не перебивай, чирикало! Так мы и до вечера не начнём... — сказал Василь. — Читай же!

Петрусь склонился над книгой.

Когда он приступил к третьей странице, звонкий лай пастушьей собачонки заставил мальчиков испуганно повернуть головы в сторону балки.

Выбираясь из зарослей на простор, к дубу подходил широкоплечий парубок с иссиня-чёрным, как вороново крыло, чубом. Его серая шапка была лихо сдвинута на затылок, а вышитую у ворота сорочку перехватывал широкий яркий пояс. Наряд хлопца дополняли холщовые шаровары, засунутые в голенища запылённых сапог.

Пастухи переглянулись.

— Кто это? — забеспокоился Василь. — Не панский ли объездчик?

— Ой, кажется, он... Тикать? — поднимается Лаврик.

— Да то ж Барма Игнат, — вглядываясь, говорит Петрусь.

— Его сам объездчик Юзеф боится, — сообщает Мирон.

— А он нас не тронет? — трусит Лаврик.

— Хорошим людям он зла не делает. А вот объездчикам да панским слугам достаётся, — спокойно говорит Василь.

— Хлопцы, а правда, что пан его дивчину загубил? — любопытствует Мирон.

Не глядя на беснующуюся у ног собачонку, Барма не спеша приближался к ребятам.

— Геть, Рудый, геть! — вскакивая на ноги и замахиваясь палкой, закричал Василь.

Лениво тявкнув раз-другой, Рудый откатился назад.

— Добрый день, хлопцы! — приветливо поздоровался с ребятами парубок.

— Здравствуйте, дядя Игнат! — хором ответили пастухи.

— Вижу, забрались в холодок, ну и меня потянуло отдохнуть — притомился, — вытирая рукавом мокрый лоб и опускаясь на траву, сказал Барма. — Не помешаю?

— Отдыхайте на здоровье, — важно, по-взрослому, ответил Василь.

— А у нас, дяденька, не душно и комары не кусают, — тоненько поддержал Лаврик.

Увидя в руках Петруся книгу, Игнат спросил:

— Читаете, хлопцы?

Петрусь кивнул.

— Читайте, а я покурю, послушаю.

Барма вытащил кисет, достал из него кресало и с силой ударил им о кремень. Посыпались искры, задымился трут, и опаловые струйки дыма от зажжённой люльки медленно потянулись кверху.

Искоса поглядывая на парубка, Петрусь вспоминал всё, что говорили про него на селе.

Барма жил со старушкой матерью на краю села. Отца он не помнил. Вздыхая, мать говорила, что захлестали его на панской конюшне. Крепким, как дуб, вырос Игнат. Радовал он материнское сердце сходством с отцом: чёрным чубом, жадными до работы руками, весёлым и ласковым нравом.

Выбрал парубок и невесту по себе. Когда его Ивга шла по улице, люди подходили к плетням, чтобы взглянуть на неё, полюбоваться её красотой.

Свадьба близилась. Но не пришлось подругам Ивги попеть свадебные песни. Увидел панский управитель, как плясала в хороводе Ивга, и слух о её красоте дошёл до самого пана. Велел он позвать девушку, да так и оставил её у себя. Много недель прошло. Игнат решил выкрасть Ивгу. Только девушка, отпущенная паном, сама вернулась в родную хату. Но это была уже другая Ивга. Больше не подходили к плетням люди, чтобы полюбоваться ею, а встретив на дороге, качая головами, горестно шептали:

— Погубил дивчину...

Не видно стало Ивги на девичьих гулянках. Сидела она теперь в поле за курганом и тосковала.

Недолго после этого прожила на свете Ивга. В один ясный, погожий день прибежали с речки ребята и подняли крик на всё село. Они видели, как с высокого берега она бросилась в глубокий чёрный омут.

Прошло несколько лет, а Барма не торопился жениться. Напрасно просила его мать найти себе другую невесту, чтобы хоть перед смертью покачать внучка.

— Нет, мамо! Такой, как Ивга, у меня не будет, а другой мне не надо, — говорил Игнат.

А сколько красавиц заглядывалось на широкоплечего, приземистого хлопца с чёрными, как смоль, густыми бровями, на карие очи, в которых горел скрытый огонёк!

— И чего он так вянет за Ивгу? Её же нет... Она умерла, — обиженно говорили девчата.

Скорый на всякую выдумку, Барма считался у парубков вожаком. До сих пор проделки Игната и его товарищей были безобидны. Но после смерти Ивги всё пошло по-другому.

Какие-то хлопцы с вымазанными сажей рожами подстерегли на дороге панского конюха-палача, накрыли его кожухом и жестоко избили. Те же хлопцы поймали объездчика, связали его и, втолкнув в мешок с муравьями, повесили на сук.

На другой день на мешок наткнулся лесник. Объездчик ещё шевелил языком, но лицо его, походившее на багровую подушку, было страшно. Люди шептались, что всё это дело рук Бармы.

«Вот он какой — ни гайдуков, ни пана не боится!» — думал Петрусь.

— Петрусь, что же ты замолчал? Читай! — вывел его из задумчивости голос Мирона.

— Давай, хлопче, давай, — вынимая изо рта люльку, сказал Барма. — Посмотрим, что ты за чтец.

Смущённый Петрусь начал читать неуверенно. Но вскоре голос его выровнялся, окреп.

Не двигаясь слушали пастухи про восстание народных героев — Железняка и Гонты. В памяти ребят оживали рассказы, слышанные ими в долгие зимние вечера от отцов и дедов.

— А про то, как паны Оксану скрали и батько её убили, ещё дядя Панас из Вербовья сказывал, — прервал Петруся Лаврик.

— Дид говорил, что Железняку сковали такое копьё, что конь под ним подогнулся, — вспомнил Мирон.

— Ещё мой батько рассказывал, как гайдамаки хлопчика встретили и дали ему золотого дукатика за то, что он им дорогу указал, — добавил Василь.

Наперебой заговорили мальчики.

— Цытьте! Слушать не даёте! — строго произнёс Барма.

Пастухи испуганно оглянулись на парубка.

Игнат сидел, обхватив руками колени, люлька его, сжатая в кулаке, дымилась, глаза мрачно горели.

Петрусь поспешно перевернул страницу, отыскивая глазами недочитанную строчку.

— Повтори, как там написано! — наклонился вперёд Барма.

Петрусь послушно прочёл:

— «Кровь за кровь, муки за муки!»

Барма неожиданно встал.

— Что вы, дядько Игнат? — встревожился Мирон и тоже приподнялся.

— Ничего, хлопче... — пробормотал, приходя в себя, парубок. — А ты читай, читай! — подбодрил он Петруся, снова ложась на траву.

Прежнего оживления уже не было. Ровно читавший Петрусь стал запинаться.

Лаврик и Мирон, украдкой поглядывая на Барму, перешёптывались. Василь беспокойно оглядывался по сторонам.

— На стадо надо взглянуть, — поднимаясь, сказал он нерешительно.

— Скорее возвращайся, — просит Лаврик.

— Обернусь разом! — уже на ходу кричит Василь.

Выбежав на открытое место, он, приставив ладонь козырьком, смотрит на стадо. Каменной глыбой застыл среди полёгших коров крутрогий бык Ревун. Рядом, в небольшом пруду, одиноко дремлет чёрная корова.

Стоя по грудь в воде, она в блаженном полузабытьи жуёт жвачку.

«Ключи там холодные... застудится... Прогнать?.. Жарко...» — досадует пастух.

— Чтоб тебя водяной напугал! — наконец во весь голос кричит он.

И вдруг — Василь не верит своим глазам — испуганно мотнув головой, корова повернула к берегу.

— Заговорил корову! — шепчет поражённый Василь.

Не знал Василь, что жук-водомерка конькобежцем проскользнул у самой морды коровы. Вспыхнула, заискрилась водная гладь.

Мотнув головой, испуганная корова ошалело кинулась к берегу.

Бегом возвращался Василь к товарищам.

— Хлопцы! — ещё издали, запыхавшись, кричал он. — Я корову заговорил!

Мирон и Лаврик как будто того и ждали.

— Корову?! — одновременно вскричали они, вскакивая на ноги.

Василь торопливо рассказал.

— Чёрная корова, дьячихина, — говорит Лаврик.

— Нет, — возражает Мирон, — корова панского управителя. У неё ещё звёздочка на лбу.

— Давай ещё раз поглядим. Я знаю, где она легла, — предлагает Василь.

Все трое, громко разговаривая и косясь на Игната, побежали к стаду.

Барма с улыбкой посмотрел им вслед.

— И ты, хлопче, веришь в водяного? — спросил он Петруся.

— Нет, дядя Игнат. А корова так, сама чего-нибудь напугалась.

— Правда, Петрусь. Тёмные мы, вот и верим в разную нечисть. — Барма поднялся. — Пойду. Где тут моя люлька?

Положив люльку в карман, Игнат грустно взглянул на мальчика:

— Подрезал ты, Петрусь, своей книгой моё сердце, будто косой.

В его словах было столько боли, что мальчику стало жалко его.

Отойдя несколько шагов, Барма оглянулся:

— Приходи, Петрусь, как-нибудь до меня в хату, почитаем ещё.

— Приду, дядя Игнат, в субботу.

— А не забудешь?

— Нет,

— Ну, будь здоров.

Сгорбившись, он медленно побрёл к дороге.

«То он за Ивгу так мучается. А мы его боялись...» — думал мальчик.

9

ДРУЖБА

— Петрусь, ты? Заходи, заходи, — говорил Барма, передвигая в сенях мешки с житом, когда в субботу вечером мальчик постучался в дверь.

В хате было темно, пахло чебрецом.

На печи кто-то завозился, глухо закашлял.

— Кто тут? — спросил дрожащий голос.

— Не бойтесь, мамо. То Степана Потупы хлопчик, — сказал Игнат.

Вспыхнувшая лучина осветила измождённое лицо сидевшей на печи женщины.

— Здравствуйте! — обратился к ней Петрусь.

— Добрый вечер, хлопчик, — приветливо ответила старая Христя.

Петрусь оглядел жилище — стол, покрытый домотканой скатертью, две лавки вдоль стен, потемневшую божницу.

Засветив от лучины каганец, Барма обернулся к мальчику:

— Садись, Петрусь.

Мальчик сел, осторожно развернул на столе «Кобзарь».

— Про что читать? — поднял он взгляд на парубка.

— Да про то же, хлопчик, что читал под дубом:

как боролись Железняк и Гонта с панами, — произнёс Игнат и уселся напротив, вытянув по столу большие руки.

Понурясь, слушал он, как похищают паны Оксану, как её жених, батрак Ярёма, идёт в гайдамаки — мстить панам за свою невесту.

«Так Ивгу мою забрали», — думает парубок.

Притупленная временем старая боль вспыхнула с новой силой.

Пожар не гаснет, люди мрут,
Томятся в тюрьмах, на чужбине...—

читал Петрусь.

И тянутся за нитью стиха думы Игната: «Эх, да разве у меня одного горе? Оно у всех, кто под панами!»

Гневными строками отвечает мыслям парубка «Кобзарь»:

Казачьи дети; а дивчата!..
Земли украинской краса
В неволе вянет, как когда-то
Увяла мать... Уже коса
Стыдом сечётся... Плачут очи,
От горя слепнут; расковать
Казак сестру свою не хочет;
Сам не стыдится изнывать
В ярме у ляха... Горе, горе!

«А разве теперь не так? — закипает Игнат. — Разве не берёт пан лучших дивчат наших на гибель? Не мордуют, не мучат людей? А люди? Молчат, гнутся, будто бы неживые. Забыли волю! Вот он и укор от кобзаря».

Ну, а внуки? Им нет дела —
Панам жито сеют!
Немало их, а кто же скажет,
Где Гонты могила?

Мученика праведного
Где похоронили?

— Нет, кобзарь, не только будут жито сеять — встанут за волю люди! — Барма ударил кулаком по столу и поднялся.

Он вышел из-за стола, взволнованно прошёлся по хате. От его мужественного, решительного лица веяло силой и гневом.

Петрусь, опустив книгу, широко открытыми глазами смотрел на парубка...

— Хватит на сегодня, Петрусь, — проникновенно сказал Игнат.

Он сел за стол, охватил голову руками и в глубокой задумчивости засмотрелся на вздрагивающее пламя каганца.

— А я видел, как пан слугу бил, — под впечатлением прочитанного прервал молчание мальчик.

Отняв от лица руки, Барма медленно перевёл рассеянный взгляд на Петруся.

— Правда, дядя Игнат. Ещё видел, как пан змеяку большущую гладил палочкой.

И Петрусь рассказал, как ходил он слушать бандуру в овраг, как лазил в усадьбу за правдой, как стал пастухом.

Барма с любопытством смотрел на мальчика. Глаза его повеселели.

Когда Петрусь кончил рассказывать, Игнат, положив ему на плечо руку, сказал:

— Хороший ты хлопец, смелый. Были бы все такие!

Мальчик подумал, что пришло время узнать про всё тайное, что говорили о Барме люди. Собравшись с духом, он спросил:

— Дядя Игнат, правда, что вы с хлопцами повесили объездчика?

— Аз, буки, веди... — покорно повторял он вслед за мальчиком.

— От кого слышал? — остро взглянув на Петруся, спросил Барма.

— Люди так говорят, — оробев, ответил мальчик.

— Люди, — усмехнулся Игнат, — они — что сороки: трещат, не зная о чём. А ты не верь словам. Неправда всё это.

— Ой, правда, милый хлопчик, правда! — отозвалась с печи старая Христя. — Повесили, шибеники, повесили ката... — И, обращаясь к сыну, она сказала: — Заберут тебя панские собаки, Игнат. А куда мне, старой, деваться?

— Эх, молчите, мамо! — с досадой сказал Игнат. — И кто вас тянул говорить?

Петрусь понял, что Барме не хотелось, чтобы знали о его делах другие.

— Я никому не скажу, дядя Игнат. Не верите? Вот поклянусь!

Барма внимательно взглянул в лицо мальчику:

— Верю тебе и без клятвы, Петрусь.

Он встал, взял со стола «Кобзарь», полистал его:

— Счастливый ты — грамоту знаешь!

Петрусь посмотрел на парубка, и внезапная мысль пришла ему на ум.

— Дядя Игнат, — вскричал он, — давайте я научу вас грамоте!

Барма нерешительно покачал головой:

— Не осилю, хлопче.

— Осилите, дядя Игнат! Вот смотрите! Эта, с дрючочком, — буки, а вот что пониже, похожа на косу, — глаголь.

Увлечённый порывом мальчика, Барма подсел к столу. Через минуту он водил огромным мозолистым пальцем по страницам «Кобзаря».

— Аз, буки, веди... — покорно повторял он вслед за мальчиком.

Так началась их дружба.

10

УЛЬЯНКА

В доме богатого хуторянина Барташа жила круглая сирота Ульянка. С утра до позднего вечера мелькали по усадьбе её острые плечики.

— Ульянка, пригони гусей!.. Ульянка, выпусти свинью!.. Покачай ребёнка! — покрикивают Барташиха, её муж, многочисленные домочадцы.

И Ульянка, как заведённый волчок, вертится весь день, всем угождая, от всех получая тумаки и подзатыльники.

Давно улеглись хозяева, а Ульянка всё копошится, пока не свалит её тяжёлый сон на полу в сенцах, в хлеву на соломе — где застанет. Но и в сновидениях не было девочке покоя. То гуси, злобно шипя, вытягивают длинные шеи к её пяткам, то, открыв зубатые пасти, хрюкают на неё свиньи, то зыбка с ребёнком бесконечно порхает у неё перед глазами. Настанет утро — и её тоненькие ножки, не успевшие отдохнуть за короткие часы сна, опять мелькают по усадьбе Барташа.

В один из таких дней девочку остановил хозяин:

— Пойдёшь, Ульянка, на жнивьё, попасёшь там больную Пеструху. Только гляди — рядом овсы панские. Упустишь корову... — И Барташ внушительно трясёт кулаком.

— Не упущу, дядя Семён, доглядать буду, — пищит Ульянка.

— Гляди, девка!

Уйти из постылого дома, посидеть в поле — какая это была радость для Ульянки! Отыскав хворостину, она весело побежала выгонять из хлева Пеструху.

— Геть, дурная, геть! — всякий раз покрикивает Ульянка, когда корова, кося глазом на девочку, подбирается к панским овсам.

Услышав окрик, Пеструха равнодушно отворачивается от лакомых метёлок, но стоит девочке замешкаться, как корова, с жадностью поглядывая на овсы, подбирается к ним ближе.

Хорошо в поле Ульянке. Ласково обвевает её ветерок, веселят рассыпанные по межам и стерне синие васильки, лиловая кашка. Ульянка наклонилась, сорвала один василёк, другой, третий...

«Сплету веночек», — складывая цветы в подол заношенного серенького платья, радостно думает девочка. Но вот подол полнёхонек. Садится Ульянка плести венок. Подбирая цветы, проворно двигаются её пальчики. Ещё несколько васильков — и словно свитая радуга сияет в руках у девочки. Смеётся Ульянка, примеряет венок на голову. Только зеркала не хватает посмотреть...

А Пеструха? Давно забралась в овсы, хватает спелые метёлки шершавым языком, рвёт с корнем.

— Куда тебя занесло, к нечистому?! — прокатилось по полю.

Вскочила Ульянка — и обомлела. Видит она Пеструху в овсах, а рядом с ней, на гнедой лошади, — объездчика Зарембу. А тот уже полосует нагайкой Пеструху, гонит её на дорогу.

— Не бейте, дяденька! — отчаянно кричит Ульянка, бросаясь вслед за коровой. — Не бейте!..

— Я покажу тебе, как травить панское добро! — заметив Ульянку, грозит ей нагайкой объездчик.

Наклонившись, он злобно вытягивает по спине корову. Взбрыкнув, животное, загребая ногами пыль, трусит по дороге.

Размазывая кулаками по щекам слёзы, Ульянка, задыхаясь, бежит следом за Пеструхой.

— Дяденька, — всхлипывает она, — дяденька...

Венок её давно скатился на дорогу, ноги тонут в горячей, как зола, пыли.

Уже забелели утопающие в зелени строения усадьбы, когда со стороны села показался Гордий Оника, отчаянный и весёлый парубок, друг Бармы. Беззаботно посвистывая, он небрежно помахивал тележным шкворнем.

Увидев, что Заремба гонит корову на панский двор, парубок обратился к объездчику:

— Послушай, добрый человек, отпусти эту бедную дивчину и её корову.

— А ты откуда такой выискался? Защитник!..— останавливая коня, процедил Заремба.

— Откуда бы я ни взялся, а ты отпусти сироту.

— «Отпусти»! Ишь ты какой! Она потраву сделала, а ты — отпусти... А ну сходи с дороги! — добавил объездчик, трогая коня.

— А вот и не сойду! Что ты мне сделаешь? — становясь перед мордой лошади и насмешливо расставляя руки, сказал парубок.

— Да ты что мне за указчик нашёлся! — бледнея, произнёс Заремба.

— Я добром тебя прошу — отпусти дивчину.

— Прочь с дороги! — Объездчик схватился за рукоять нагайки.

Парубок отступил в сторону.

— Пожалеешь, Заремба! — изменившись в лице, произнёс он.

— Куда? Стой!.. — закричал объездчик, увидев, что Ульянка, повернув корову, гонит её назад.

Взбешённый Заремба дал коню шпоры. Но рука парубка, ухватив за поводья, остановила коня. Проплясав полукруг, горячая лошадь едва не сбросила ездока на землю.

— Мало тебе мешка с муравьями, собака! — вырвалось у парубка.

— Так ты из той ватаги будешь?.. — тяжело спрыгнув с коня, прохрипел объездчик.

И, схватив Гордия за плечи, Заремба, исступлённо тряся его, приговаривал:

— Теперь поцедим из тебя кровушки, погуляет по тебе плётка!..

Гордий извернулся и шкворнем ударил объездчика по голове. Заремба, глухо вскрикнув, тяжело повалился на землю. По его виску потекла тонкая струйка крови.

Растерявшийся Гордий присел на корточки.

«Собаке и смерть собачья!» — поднимая шкворень дрожащими руками, подумал парубок.

Он осмотрелся. На дороге, поминутно оглядываясь, бежала за коровой Ульянка.

«Беги спокойно, дивчинка, никто не тронет», — усмехнулся парубок.

Тревожно косся глазом на хозяина, лошадь объездчика заржала. Гордий схватил нагайку, подошёл к лошади и с размаху вытянул её по крупу. Лошадь взвилась на дыбы и, звеня стременами, понеслась к панскому двору.

Спрятав в придорожном кусте нагайку и шапку объездчика, никем не замеченный, Гордий скрылся в ближайшей балке.

Но живуч был Заремба. Не пропал он в мешке с муравьями, не сгубил его удар Гордия. Ехавшие по дороге панские люди подобрали валявшегося в пыли объездчика, привезли на панский двор. Там он пришёл в себя. Выслушав Зарембу, управляющий доложил обо всём пану.

Вечером толпа стражников схватила Гордия; После жестокой порки парубка посадили в погреб, выставив у дверей стражу. Пан приказал забить его в колодки и отвезти в город.

11

ТРЕВОЖНЫЙ ДЕНЬ

Наутро Петрусю, собиравшему в балке хворост, послышалось, что его кто-то окликнул. Мальчик оглянулся. Наверху, в зарослях боярышника, стоял Барма и махал шапкой. Бросив хворост, Петрусь бегом поднялся на косогор:

— Что вы, дядько Игнат?

Мальчик с испугом смотрел на парубка. Лицо Игната было озабоченно.

— Сядь, Петрусь, — сказал он, опускаясь на корточки.

Петрусь сел рядом.

— Слыхал, что с Гордием? — спросил Игнат.

Мальчик кивнул.

— Он Ульянку спас, а мы, Петрусь, должны выручить...

— ...его, дядя Игнат, — тихо досказал мальчик, чувствуя, как часто забилось у него сердце.

— Не освободим Гордия ночью — утром повезут его в город, и пропадёт хлопец ни за что, — продолжал Барма.

— Что же делать, дядя Игнат? — растерянно спросил мальчик.

— Скажу. Только поклянись, что пастухам не скажешь или ещё кому про наше дело.

— Сейчас клясться? — спросил Петрусь, торопливо поднимаясь.

— Теперь.

Петрусь выпрямился, опустил руки вдоль туловища и звонкой скороговоркой начал:

— Чтоб меня земля не приняла... Чтоб у меня язык во рту отсох... Чтоб меня громом разнесло!..

Мальчик передохнул, взглянул на Барму:

— Ещё?

— Хватит, Петрусь. Верю, что не скажешь.

Усевшись, Петрусь выжидающими глазами смотрел в лицо парубку. Водя палочкой по земле, Игнат озабоченно заговорил:

— Как спасти Гордия, я придумал, а где стерегут его...

— Я высмотрю, дядя Игнат! — перебил Петрусь.—Пригоню скотину на панский двор и высмотрю.

— А скажи, как я про то узнаю? — повеселев, спросил парубок.

Петрусь с минуту подумал.

— Дядя Игнат, вы старую грушу знаете за нашим двором? У неё ещё дупло есть.

— Знаю, Петрусь, то дерево.

— Там и ждите меня, пока не вернусь с панского двора.

— Буду ждать. Только, Петрусь, не всё это: главное — выкрасть лошадь.

Петрусь опешил:

— Дядя Игнат, у кого?

— У пана.

Мальчик широко открыл глаза.

— Из панского табуна, — пояснил Барма. — И увести надо лошадь тебе.

Петрусь опустил глаза.

— Боишься? Скажи, другого поищу...

— А как попадёт хлопцам, что стерегут коней?— запинаясь, произнёс Петрусь.

— Попадёт немного: подумают, что взял коня Гордий.

— Так на лошади он тикать будет! — обрадовался мальчик.

— Когда возьмёшь коня, скачи до Старой балки. Там у Больших пней жди нас.

— Знаю. Я там бандуру слушал! — сказал мальчик.

Барма поднялся, посмотрел на солнце:

— Не хватились бы тебя пастухи. Иди, хлопчик. Желаю удачи.

Выйдя из чащи, он направился к селу, а Петрусь, подобрав хворост, поспешил к стаду.

— Где ты пропадал, Петрусь? — спросил старший пастух.

— Ножик я потерял, Василь. Так и не нашёл...

— Добрый был ножик, — искренне огорчился Василь.

Весь остаток дня Петрусь, двигаясь за стадом, представлял себе многочисленные опасности, ожидающие его ночью. Вот скачет за ним погоня, палят в него из ружей. И Петрусь в лад мыслям оглушительно хлопает кнутом.

Повернув к нему головы, коровы насторожённо смотрят на мальчика.

— Ты что? — дотронулся до него Василь.

Не отвечая, Петрусь кнутом чертит на земле лошадь...

— А ты не журись: нож потерял — не голову, — участливо говорит Василь. — У меня дома железка есть, новый выточим.

— Видится мне, что я на лошади тикаю, а ты... про железку! — нечаянно вырвалось у Петруся.

Василь удивлённо шевелит бровями.

— Дурость у тебя в голове сегодня, Петрусь, да не малая, а с добрую гулю, — замечает он отходя.

Над вечерним притихшим лугом поднялись хороводы мошкары. По траве задвигались длинные тени. Всё чаще и беспокойнее ревели коровы.

— Заворачивай стадо! — нетерпеливо кричит Петрусь.

— Василю, дава-а-ай! — поддерживают с другого конца Мирон и Лаврик.

Василь взглядывает на опускающееся солнце и

решительно даёт сигнал к отходу. Хлопают бичи, суматошно носится под ногами Рудый. С нестройным шумом стадо послушно поворачивает к селу.

— Кушайте на здоровье! — приветливо встретила пастухов в людской дворовая баба Одарка, ставя на стол миску дымящегося борща.

Пастухи принялись за еду. Хлебнув раз, другой, Петрусь положил ложку на стол.

— Чего же ты? — участливо спросила его Одарка.

— Недужится, — ответил Петрусь.

Хлопнув дверью, в хату вбежал рыженький мальчик с подвижной, как у мышки, мордочкой, густо усыпанной крапью веснушек.

— Мамо, вы мне кашки насыпете? — с любопытством оглядываясь на пастухов, обратился он к Одарке.

— Придёшь ты всегда, Сашко, не вовремя! — недовольно ответила мать, гремя ухватом. — Видишь, хлопцев кормлю.

Скорчив рожу Петрусю, Сашко, проскакав на одной ноге по хате, выскочил на улицу.

В людской стемнело.

— Хоть каши поешь, — говорит Петрусю Одарка, ставя на стол зажжённую плошку.

— Спасибо, не хочу я.

Мальчик поднялся. «Проберусь на задний двор — к погребам, там и Гордий», — думал он.

Внезапно дверь распахнулась. Споткнувшись о порог, в хату влетел взбудораженный Сашко:

— Гордия повели!.. Из погреба!..

Одарка, резавшая хлеб, выронила нож. Пастухи опустили ложки.

— Идёт он, на ногах цепи дзвинькают,— захлёбывался Сашко.— Лицо всё побитое, а сам усмехается...

Не дослушав, Петрусь выскочил из хаты.

У крыльца возбуждённо шумела кучка дворовых:

— Завтра повезут его.

— Да кто об этом знает?

— Конюхи говорили: управитель велел коней готовить.

— Не видать ему белого света, ни родного села! — сокрушённо причитала пожилая скотница.

— А парубок ласковый, мухи не обидит понапрасну, — с жалостью говорила чернявая молодица.

— Пропадёт сердяга! — вздыхает старый скотник Явтух.

— Дед Явтух, а куда повели парубка? — тормошит его за рукав Петрусь.

— В каменицу, хлопчик, — набивая трубку, отвечает Явтух.

— В каме-ни-и-цу? — тянет Петрусь.

— Туда, брат. Двери там кованые — не убежит, — криво усмехается дед.

Перед глазами мальчика встаёт высокая башня, выложенная из камня, с узорчатыми железными решётками на окнах: там, закованный в цепи, ждёт своей участи Гордий...

Не задерживаясь больше у людской, Петрусь стремглав помчался к условленному месту.

Подбегая к груше, он ещё издали взволнованно закричал:

— Дядя Игнат! Дядя Игнат!..

— Как, Петрусь? — выбегая навстречу, с тревогой спросил парубок.

— Вызнал!.. В каменице он...

Тяжело дыша, Петрусь опустился на землю.

— Плохо дело, брат... — невесело протянул Барма. — Но мы пройдём и в каменицу...

— Дядя Игнат, а можно мне с вами? — забыв о лошади, попросился мальчик.

— Добрый хлопец! Сразу видно — казак, — одобрительно пробасил кто-то над головой Петруся.

Только теперь заметил мальчик несколько тёмных фигур, стоящих вокруг.

— Кто это? — поспешно поднимаясь с земли, спросил Петрусь.

— Свои, — засмеялся Барма. И, обратившись к молчаливо ждущим людям, сказал: — Ну, хлопцы, будет нам сегодня работа! А ты, Петрусь, — продолжал парубок, наклоняясь, — возьми вот это. — Подняв с земли звякнувший свёрток, он протянул его мальчику: — Принимай узду. Не забыл?..

— Что вы, дядя Игнат! — с обидой сказал Петрусь. — Давайте!

Перебросив узду через плечо, мальчик заторопился:

— Теперь идти?

— Отдохни, а там и за дело. А я с хлопцами погуторю.

Крепко прижимая узду к груди, Петрусь побежал домой запастись хлебом — самому поесть, да и с собой захватить.

12

У ЧЁРНОГО БУЧАЛА

Высоко на тёмно-синем небе несмело мигают далёкие звёзды.

Петрусь давно лежит в низеньких кустиках, неподалёку от пасущегося табуна.

Он щупает обмотанную вокруг пояса уздечку, чутко прислушивается. Глухо отдаёт земля тяжёлые прыжки стреноженных коней.

— Пасутся, — вздрагивая от ночной сырости, шепчет Петрусь.

Над ухом съёжившегося мальчика жалобно запел одинокий комар. Вслед за ним из трясины Чёрного бу-

чала прилетели сотни других, наполняя влажный непроницаемый мрак тонким, печальным звоном.

Рассеивая окружающую тьму, в стороне от табуна весело потрескивал костёр. Вылетавшие из колеблющегося пламени стаи искр гасли высоко в тёмном небе. Стремительные, лёгкие тени плясали на лицах пастухов.

Петрусь узнал рослого Назара, взятого в ночное за старшего, трусишку Федька, у которого он не раз выигрывал в бабки. Несколько пастухов, покрывшись свитками, спали.

Лохматая собачонка, снующая вокруг костра, была когда-то выкормлена Петрусём из заморённого щенка и выменяна у него Назаром за кнут.

Мальчик сердито поглядывает на собаку:

«Подобрался бы к табуну ближе — Жучок залает. Вот и жди, когда конь сам надумает подойти...»

Петрусю холодно, тоскливо. Хорошо бы посидеть теперь у костра, погреться в его ласковом тепле! И мальчик с завистью смотрит на смеющегося чему-то Федька.

Плачущий стон выпи всколыхнул тишину над трясиной. Федько вздрогнул. Смех оборвался, и все медленно повернулись в сторону трясины. Один из дремавших у костра пастухов приподнялся на локте, послушал и плотнее завернулся в свитку.

Где-то на селе проголосил петух.

«Полночь, — мелькает в голове у Петруся. — Не опоздать бы!»

От волнения у мальчика зашумело в ушах.

«Распутаю коня, а как отойдёт — зануздаю», — решился наконец он.

Загребая отяжелевшую от росы траву, Петрусь пополз к пофыркивающим впереди коням.

Почуяв мальчика, крайняя лошадь насторожённо повернула голову.

«Хлебца ей...» — подумал Петрусь и полез за пазуху.

Задетые рукой, кольца уздечки неожиданно звякнули. Петрусь испуганно оглянулся.

Прилёгший у костра Жучок вскочил и, захлёбываясь лаем, кинулся к табуну.

Пастухи повскакали со своих мест.

— Это я, я, Жучок, — отчаянно шептал Петрусь, протягивая подбегающей собаке хлеб.

Жучок проглотил корку, лизнул мальчика в лицо и, дружелюбно тявкнув, затрусил к костру.

Оттолкнув ногой виляющую хвостом собаку, Назар поднял с земли дубину и решительно двинулся в темноту.

Уткнувшись в траву, Петрусь затаил дыхание.

В нескольких шагах от него пастух остановился.

— Кто тут? — спросил он неуверенно.

Постояв некоторое время молча, словно о чём-то раздумывая, Назар быстрыми шагами возвратился к костру, выхватил пылающую головню и высоко, как факел, поднял её над головой. Освещая себе дорогу, он снова направился к табуну.

Заметавшийся, как выслеженный заяц, Петрусь нырнул в небольшую ложбинку, окружённую густой травой, прижался к земле и замер.

Колеблющийся свет то отдалялся, то приближался к мальчику, выхватывая из тьмы отдельные группы пасущихся лошадей.

Назар шёл, держа на вытянутой руке чадящую головню, и громко считал.

Словно из другого мира доносился до Петруся его голос:

— Раз... два... четыре... семь... десять...

Пастух подошёл к ложбинке так близко, что Петрусю стало слышно, как шипит и потрескивает головня.

Загребая отяжелевшую от росы траву, Петрусь пополз к пофыркивающим впереди коням.

— Что там? — кричит от костра Федько.

Не отвечая, Назар швырнул головню во мрак. Прочертив огненную дугу, роняя красные искры, она упала неподалёку. Ничего не заметив, пастух вернулся к костру.

Со стороны «дыхала» — страшной отдушины Чёрного бучала — послышалось глухое, урчащее клокотание. По временам оно сливалось с прерывистым ленивым сипением. Казалось, что кто-то огромный и живой ворочается в трясине.

Петрусь высунул голову.

Сгрудившись в тесный круг, пастухи тревожно прислушивались к Чёрному бучалу. Стоявший позади Федько часто и мелко крестился.

Подняв лохматую голову, тоскливо завыл Жучок.

Перепуганный Федько сгрёб охапку сучьев и бросил её в костёр.

Внезапная тьма поглотила пастухов. Послышались испуганные восклицания.

Не раздумывая, Петрусь кинулся к лошади. Перерезав ножом путы, он поднёс к ноздрям лошади краюху хлеба и стал торопливо отходить назад, увлекая её за собой.

Взнуздав коня, мальчик крепко ухватился за гриву, сильным движением вскочил на его спину и погнал вскачь.

«Ой и попадёт хлопцам!» — оглянувшись на костёр, подумал Петрусь.

Но свежий ветер, обвевавший его разгорячённое лицо, радость, заполнявшая грудь, успокоили тревогу.

«То ж для Гордия», — оправдывался мальчик,

* * *

— Добрый конёк! — радостно говорил Барма, похлопывая по холеной шее лошади. — Я уж подумал, что тебя сцапали. А ты сам явился, да ещё и с лошадью на придачу.

— Да я хоть от кого убегу! — позабыв о пережитых страхах, похвалился мальчик.

— Эй, друже! — крикнул парубок в темноту.

Из мрака, в сопровождении толпы парубков, показался прихрамывающий Гордий.

— Что скажешь, Игнат?

— Вот хлопец, что тебе коня достал. Проворный, как ветер в поле.

Гордий подхватил мальчика и приподнял с такой силой, что у Петруся захватило дух.

— Молодец! — тепло произнёс парубок, опуская Петруся на землю.

— Ой, дядя Гордий, так это вы? — опомнился мальчик, с изумлением разглядывая парубка.

Кругом засмеялись.

— Ну, хлопцы, пора собирать товарища, — сурово напомнил Игнат.

Два парубка кинулись к деревьям и вскоре вернулись, неся в руках перемёты и седло. Один из хлопцев, рослый богатырь, стал седлать лошадь.

— Попрощаемся, — дрогнувшим голосом сказал Барма, обнимая друга.

Игнат вытащил из-за голенища сапога нож своей работы и протянул его Гордию:

— Возьми на память!

Парубки, поснимав шапки, молча ждали своей очереди.

Обойдя товарищей, Гордий остановился около Петруся:

— Прощай, Потупа!

Он привлёк мальчика к себе и крепко его обнял.

— А куда ж вы теперь, дядько Гордий? — спросил Петрусь.

— Туда, хлопчик, куда панские руки не дотянутся, — до самого моря.

— Убежать бы с тобой, да мать у меня... — проговорил Барма и грустно добавил: — Больна.

— Не журись, браток. Может, встретимся... — ответил Гордий и вскочил в седло. — Прощайте, хлопцы! Не поминайте лихом!..

— Прощай! — печально отозвались парубки.

Гордий ударил коня наотмашь нагайкой и вскоре исчез во мраке.

13

В ОЖИДАНИИ ПЕРЕМЕН

Прошло ещё два года. Наступила зима 1858 года. Чистые снега покрыли землю.

Петрусь уже не ходил за стадом. Вечерами просиживал он на печи, слушая нескончаемые разговоры односельчан.

Говорили о земле, о тяжком труде на панщине, о каких-то готовящихся переменах. Чаще всего в хате слышалось знакомое освежающее слово «воля». Говорили, что царь — самый большой пан, какой только на свете есть, — задумал людям волю дать. Всё это порождало в сёлах бесчисленные пересуды и толки.

«Что-то будет!» — неслось отовсюду.

В один из таких вечеров в хате Потупы собралось немало сельского люду. Пришёл и Барма.

— И куда же пану столько хлеба? — горячился Павло Грач, первый бедняк на селе. — Шестнадцать амбаров до стрех насыпано, скирды степь покрыли, а всё мало — берут последнее. Оброк подняли вдвое. Староста говорит — на панских гадюк... Всё тянут: и молоко, и яйца, и кур, и поросят... Кажется, одного

им не хватает — наших детей. Да возьмут и их — без хлеба не выкормишь малых ребят.

— Петлю народу подводит, — со вздохом промолвил обычно осторожный на слово, рассудительный Никита Барабаш.

— Скоро выйдет царская милость — воля, запрятанная панами... — вступил в разговор Охрим Шелест. — Поделим землю — вздохнём...

От этой выношенной в сердце надежды люди оживились. Молчавший до сих пор Барма поднялся:

— А ты думаешь, царь своих панков обидит? Землю тебе даст? Брехня то. Что своей рукой не возьмёшь, от того паны не отступятся, хоть ты слезами захлебнись!

Барма оглядел слушателей и продолжал:

— Ждёте царской милости! А кто видел её? Нет!.. На панов да на волю царскую плохая надежда. Скорее солнце светить не будет, чем паны вас довольными сделают!

Поискав глазами Грача, Барма заговорил тише:

— Вот ты, Павло, говорил, что у пана амбары ломятся от хлеба. А ты знаешь, куда пан денет его? Продаст. Что купит? Заморских гадюк к старым в придачу. А ведь тот хлеб люди своей кровью поднимали!

— Правда, хлопче, правда! — отозвались одобрительно голоса.

— Молодой ты, Игнат, а падают твои думки на душу, как пшеница у доброго пахаря на пашню. Да что сделаешь, хлопче! Дуб лбом не повалишь. Паны — сила. Спокон веку так велось: наверху — паны, внизу — люди. Панская воля — наша дорога в поле. Терпеть надо! О том ещё святое писание указывает... — покорным голосом сказал Барабаш.

— Эх, Никита, Никита! — с горечью оборвал Игнат. — «Панская воля», «спокон веку»... Душу царапают твои слова!..

— А я что — один? Вот же и люди говорят: «Скачи, враже, як пан каже», — смущённо усмехаясь, оправдывался Барабаш.

— «Люди»! А не ты говорил, что пан петлю подводит народу? И это терпеть? Панам — петлю, дядько Никита!

Словно ветер по лесным верхушкам, прошёл шелест по хате от смелых слов парубка.

Барабаш испуганно отодвинулся от Игната и оглянулся на окно.

— Ой, берегись, хлопче! Что ты такое говоришь? Слушать страшно. С такими думками не донесёшь головы до срока. Укажет панский слухач — и поминай хлопца у чёрта в кармане. Горячий ты, Игнат! В кого ты такой удался? Должно, в батька. И Семён такой скаженный был...

Но Игнат, с досадой махнув рукой, продолжал:

— Ты говоришь, Никита, что люди спокон веку служили панам. Неправда! Люди родятся вольными и, когда ещё панов не было, жили счастливо. Пришли паны, забрали волю, но люди не забывали про неё. Появлялся атаман, поднимал огонь над панскими крышами, и люди шли на панов грозою. Вот так было при Богдане, а недавно гулял с гайдамаками Гонта. О том кобзари поют, старые люди рассказывают.

— Чудно́ ты говоришь, Игнат!

— Каждый так думает, но молчит, носит на сердце. А молчать нельзя...

Барабаш открыл было рот, чтобы возразить, но дверь с шумом распахнулась, и в хату торопливо вошёл Иван Стукач. Хмуро оглядев из-под нависших бровей притихших селян, Стукач молча пообрывал сосульки с усов и только после этого объявил:

— Слыхали новость: с завтрашнего дня, по панскому наказу, вся громада пойдёт лес валить.

В хате поднялся шум. Люди заговорили все разом, перебивая друг друга.

Стукач разъяснил, что до весенней распутицы пан приказал рубить лес у балки Кривое Колено и свозить его на берег Дубравки. Весной он сплавом по большой воде пойдёт дальше.

— А кто ослушается, того на панскую конюшню, в розги, — так велел передать людям староста, — закончил при общем молчании Стукач.

— Так это что же такое? — растерянно оглядываясь, заговорил Потупа. — Вчера только засыпали лёд в панские погреба, а завтра — в лес!

— Кони не отдохнули, — сокрушённо заметил кто-то.

— Не будет конца панскому своеволию! — сказал Барма, поднимаясь.

Вслед за ним, торопливо докуривая люльки, топоча сапогами, поразбирали шапки и остальные. Хата опустела.

— Тату, а мы поедем? — спросил Петрусь, скатываясь с печи.

— Выходит, что так, сынку, — озабоченно потирая затылок, ответил отец.

14

В ЛЕСУ

Крепкие морозы неожиданно сменила оттепель. По-весеннему яркое солнце щедро лило на землю горячие лучи. Ещё недавно сверкающий сахарным изломом снег почернел и стал таять. Зажурчали ручьи. На проталинках показалась бурая, прошлогодняя трава. В мягком, прозрачном воздухе разлился тонкий запах набухающих почек.

Но люди, согнанные на рубку панского леса, не

радовались: дороги, по которым свозили лес на берег Дубравки, превратились в труднопроходимые болота. Истощённые лошади падали, калечили ноги, застревали в топкой грязи. Всё труднее становилось доставлять на место добытый лес. А пан торопил. Управляющий, в свою очередь, подгонял старосту. Голова носился по лесу, кричал на угрюмо слушавших его людей, грозил, что отправит всех на конюшню, но ничто не помогало: работа с каждым днём шла всё хуже.

Наступил четвёртый день оттепели. Возивший брёвна Петрусь медленно поднимался на усталой лошади по лесистому косогору. Кругом, насколько хватал глаз, копошились тёмные фигурки людей, тащились уменьшённые расстоянием, словно игрушечные, кони.

— Эй, берегись! — протяжно доносился издалека предостерегающий крик, и вслед за этим грохот падающего дерева потрясал воздух.

Шум таял, и снова, торопливо обгоняя друг друга, как весенняя капель, гулко постукивали по лесу топоры.

Поднявшись на бугор, Петрусь увидел отдыхающего на бревне отца. Мальчик осадил тяжело водящую боками лошадь и спрыгнул на землю:

— Тату, слышите? Вода долину залила!

Степан посмотрел на окутанного паром Серко, на забрызганное грязью, возбуждённое лицо сына и нахмурился.

— Плохо, — проговорил он, вынимая дрожащими руками кисет.

Работающий с ним сосед, Ефим Деркач, закурив люльку, присел на пенёк.

— Беда, Степан, — поглядывая на осевший снег, сказал Деркач. — Продолжится теплынь — погубим коней.

Степан не успел ответить.

— Раскурились! — донёсся до них хриплый и злой голос.

Из-за деревьев показался взъерошенный, задыхающийся от усталости староста.

— Напустили дыму на весь гай! — продолжал он, махая свободной от посоха рукой по воздуху. — А работа не движется — стоит!

— Так что ж, и отдохнуть нельзя, Силантий Денисович? — поднимаясь с пенька, сказал Деркач.

— «Отдохнуть»! А ты свой урок выполнил? Говори: выполнил? — наступал староста на оробевшего Ефима.

— Такой урок, как пан управитель положил людям, хоть надвое переломись — не выполнишь, — глядя куда-то в лес, отозвался Степан.

Староста подался вперёд, будто его по спине хватили палкой:

— Вот как! Тебе панская воля не по душе! Не нравится?

Степан люлькой указал на лошадь:

— Видишь — на ногах не держится. А свалится? Тогда пропадать нам?

Но староста даже не взглянул на коня:

— Мне до этого дела нет. Раз старшие приказывают — работай, слушайся. А подохнет лошадь — на хребте повезёшь! Потому — для ясновельможного,— поднял он палец вверх. — Чуете, голота? Для пана!

— Выходит, жизни лишись, а чтоб только пан в масле купался! Да чтоб ему очи повылазило! — не вытерпел Деркач.

Староста опешил. Несколько мгновений он молчал, словно дерзость, сказанная Ефимом, застряла у него в горле.

— Ну так вот что, — медленно заговорил староста, постукивая о землю посохом, — как сядет солнце, чтоб всё, что за сегодня, что за прошлые дни оста-

лось, подобрали подчистую. Слышите? Вечером приду! Не будет готово — на себя пеняйте! — закончил он отходя.

Погрозив людям палкой, староста скрылся за деревьями.

Дровосеки растерянно переглянулись.

— И бис его знает, как он, толстый кабан, подобрался до нас! — удивился Деркач, выдёргивая вбитый в дерево топор.

Петрусь вдруг кинулся к лошади, но Степан сердито остановил его:

— Отдыхай! Всё одно — и коня загубим и урока не сделаем.

— Тату, так вас же наказывать будут! — жалостно крикнул Петрусь.

Потупа только рукой махнул.

— Ну, брат, попали мы чёрту на зубы, — почёсывая затылок, промолвил Ефим.

— Работаем, а там что будет... — сурово отозвался Потупа, выбивая недокуренную трубку.

Петрусь повернулся к лошади. Серко стоял, понуро опустив голову. Он был так худ, что выступавшие на его впалых боках рёбра походили на обручи.

Перебирая мягкими, добрыми губами, Серко обнюхал руку мальчика.

— Есть хочешь? — ласково спросил Петрусь, поглаживая вспотевшую морду лошади.

Он вытащил из кармана засохший ломоть хлеба, посмотрел на него, вздохнул и решительно разломил пополам...

Петрусь сел на бревно и смотрел, как из-под топора отца, густо усеивая снег, летят белые, пахнущие смолой щепы. Всё глубже впивается в податливую мякоть отточенное лезвие. Вот уже на одной сердцевине держится обречённое дерево. Едва заметная дрожь пробегает по его стволу, и вдруг, на-

кренясь, сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее, оно, как раненый воин с раскинутыми в стороны руками, валится на землю.

— Поезжай, Петрусь! — не отрываясь от работы, крикнул Степан. — Да смотри коня береги.

Мальчик свернул из толстой верёвки петлю, захлестнул ею очищенное от коры и сучьев бревно и взялся за повод.

— Но-о!

Верёвки, привязанные к хомуту, натянулись, и бревно, выхваченное из снежного гнезда, медленно поползло за лошадью.

15

ВРАГИ

Выбравшись на дорогу, Петрусь влился в непрерывно движущийся поток. В дорожной грязи тонули взмыленные лошади, сани, брёвна. От поминутно возникающих вокруг звуков в воздухе стоял неумолчный шум.

Медленно продвигаясь вперёд, Петрусь повсюду встречал знакомые лица: вот поддевает колом бревно Назар, жестоко выпоротый за уведённого Петрусём коня; там замахивается кнутом на лошадь и что-то кричит Мирон; позади дядя Панас и селянин с огненной бородой, стоя у сцепившейся упряжки, осыпают друг друга бранью...

Оглядывая скопище взбудораженных людей, мальчик облегчённо вздохнул:

«Видно, не один батько с уроком не справится — вся громада с бедой сошлась».

Спустившись в долину, он увидел, что талые воды подтопили снег по всей пойме Дубравки.

Серко, еле передвигавший ноги, остановился.

Вскочив на бревно, Петрусь, болтая ногами, стал вытряхивать натёкшую в сапоги воду.

— Эй, вы, прочь с дороги! — услыхал он знакомый голос.

Мальчик оглянулся.

Пара крупных, лоснящихся от сытости лошадей тащила небольшое бревно, легко обгоняя застрявшие в распутице упряжки.

На одной из лошадей сидел сын старосты, Данило, со сбитой на затылок шапкой, с раскрасневшимся от возбуждения и довольства лицом.

— Берегись, крупа! Раздавлю! — суматошно кричал он, размахивая над головой кнутом.

Тяжёлые, как утюги, копыта коней, хлюпая по воде, обдали веером ледяных брызг зазевавшихся погонычей.

Облитые мальчишки кричали:

— Думаешь, забрался на коня, так ты уже и пан!

— Подожди, чёртов дукач, мы тебя ещё заставим ползать на карачках!

Поравнявшись с Петрусём, Данило с разгону осадил разгорячённых лошадей. Сосредоточенно нахмурив брови, он ткнул пальцем в Серко:

— Ой, что это у тебя, Потупа?

— Где? — встревожился Петрусь, оглядывая упряжь.

— Да вот, вот! — тыкал в Серко Данило.

— Как — что? Не видишь — лошадь! — уже сердито ответил Петрусь.

— Лошадь? — вытаращил глаза Данило.

— А что же? — буркнул Петрусь, глядя исподлобья на сытую упряжку.

— Лошадь? — насмешливо переспросил Данило. — А мне показалось, скелет... А погоныч, — захохотал Данило, указывая на Петруся, — огородное пугало!

— Так ты ещё и насмехаться, пацюк проклятый!
Петрусь схватил горсть мокрого снега, подавил в руках и с яростью швырнул его.

— Попало! — радостно завизжал маленький Пылыпко, видя, как пошатнулся в седле и схватился за щёку Данило.

— А вот тебе и за «пугало»! — крикнул Петрусь, посылая второй снежок.

— Получай да не брызгайся! — вторили ему Василько и Пылыпко, целясь в Данилу.

К ним присоединились другие хлопцы. Передние оглянулись, увидели, как гвоздят снежками Данилу, и сами скинули рукавицы...

Скоро весь воздух наполнился тяжёлыми, как стеклянные шары, снежками.

— Так его, волчонка! — побросав поводья, смеясь, подзадоривали хлопцев селяне.

Данило втянул голову в плечи, закрыл лицо руками и только вздрагивал, когда в него попадал снежок.

Наконец он догадался крикнуть на лошадей. Испуганные кони рванули и вынесли его в безопасное место.

Данило повернул посиневшее лицо к ребятам и погрозил им кнутом.

— Молодцы, хлопцы, что проучили! — кричали селяне. — Да, видно, мало — ишь грозится, злыдень!

Обратно Петрусь повёл измученного коня на поводу. Навстречу не попадался ни один погоныч. Мальчик удивился. Войдя в лес, он увидел запрудившие дорогу упряжки. Лошади, свесив головы, дремали. В стороне возбуждённо гудела толпа.

У дорожной обочины валялась издыхающая лошадь. Иногда она поднимала голову, дико и жалобно водила вокруг глазами. Потом голова её снова бессильно падала на подстеленную солому.

Рядом с лошадью, запустив под шапку пальцы, сидел её хозяин — Горобец. Лицо его болезненно морщилось, и Петрусю показалось, что на глазах селянина блеснули слёзы.

Отойдя от Горобца, мальчик привязал лошадь к дереву и присоединился к толпе.

На время шум приутих. Говорил уважаемый громадой седоусый и степенный Семён Дубовик.

— Пора, селяне, браться за ум. Погубим коней, не на чем пахать будет. Вот Горобец, у него семья — восемь ртов, а остался без лошади. А что, ему пан свою взамен даст?

— От него дождёшься! — крикнул кто-то.

— Делать что, говори!

— Скажу, — продолжал Дубовик, неторопливо разглаживая усы. — Надо дать коням отдых, переждать оттепель и просить всей громадой панского управителя, чтобы фураж выдал.

Гул одобрительных голосов покрыл последние слова Дубовика:

— Правильно рассудил!

— Дубовик скажет — что гвоздь всадит!

Люди успокоились. Кое-кто потянулся за кисетом.

— Что тут за сбор? Кто разрешил? — послышался в стороне голос старосты.

Люди, увидев спешащего к ним голову с сотскими, зашевелились.

Говор постепенно смолк.

— Почему не у лошадей? — подходя, спросил староста, сверля глазами лица селян.

Из толпы выдвинулся Семён Дубовик.

— Силантий Денисович, — почтительно заговорил он, снимая шапку, — громада просит дать коням отдых, а также поговорить с управителем...

— Нельзя! — перебил староста. — Пан приказал,

его воля, а наше холопское дело — слушаться да не рассуждать. Слышите?

— Слышим, не глухие, — отозвались сзади.

— Ты лучше, голова, скажи, почему пан фуража не даёт? Кони падают! — выкрикнул из середины чей-то голос.

— На то не было распоряжения ясновельможного, — ответил староста.

— Не было! Так пусть сам ясновельможный и возит!..

— Что?.. Что ты сказал? — крикнул староста.

— То, что и слышал, — насмешливо ответил тот же голос.

— А ну выйди сюда, кто отзывается! Выйди, говорю! — стукнул посохом староста, поднимаясь на носки и стараясь разглядеть лицо кричавшего.

— Чёрта тебе я лысого выйду, панский пёс!

В толпе послышался смех.

— В Сибирь захотелось? На каторгу?.. — надрывался староста.

— Не гавкай — не боимся!

— Выйти ему! Ишь какой скорый! — кричали сзади.

Староста оглянулся на растерявшихся сотских:

— Чуете, старшины? Бунт!

— Забрать у него палку да всыпать ему, чтобы не шёл против громады, — предложил кто-то спокойным голосом.

— Правда! Что на него смотреть!

Толпа стала обтекать старосту с боков.

«Не сломлю людей — пропаду!» — подумал староста.

Глаза его запрыгали по лицам односельчан и остановились на Семёне Дубовике.

— Ага, так это ты поднял бунт!.. Берите его! — закричал он сотским.

Толпа подалась вперёд:

— Не дадим!

— Семён волю людскую высказал!

Ловко пущенная палка сбила со старосты шапку.

— Берите его, лютого волка!

— Что же это?! — хрипло выкрикнул староста, схватившись руками за голову.

Глухой шум упавшего вблизи дерева заглушил его голос. В напряжённой тишине, наступившей вслед за падением дерева, взвился отчаянный, стенящий крик:

— А-а-а!.. А-а-а!..

Толпа замерла.

А страшный крик всё приближался, нарастал с каждой секундой.

Из-за дерева показался с искажённым лицом мальчик.

— Татку убило!.. — кричал он не останавливаясь. — Татку убило!..

— Ой, беда, люди! — проговорил кто-то.

— Татку убило! Татку убило! Татку убило!.. — всё слабее доносился удаляющийся голос мальчика.

Бросив старосту, толпа, будто по уговору, как прорвавшая плотину вода, ринулась к тому месту, откуда появился мальчик.

Люди спотыкались, падали, вскакивали и снова бежали.

Увязая в снегу, перепрыгивая через поваленные деревья, наравне с другими бежал Петрусь.

Дикими глазами оглядел староста опустевшую поляну. Сломанный его посох валялся рядом, а чуть подальше — втоптанная в грязь шапка. Подняв её, староста поспешил за сотскими.

Первое, что увидел подбежавший Петрусь, были торчащие из-под вороха спутанных ветвей ноги Грача. Поборов страх, он кинулся помогать людям.

Селяне хватались за ветви, кричали, суетились, кольями поддевали корявый ствол. Наконец им удалось приподнять и сдвинуть упавшее дерево.

Скрюченную фигуру крестьянина вынесли на открытое место и положили спиной на снег. Кто-то нашёл помятую шапку и бережно опустил её рядом с застывшим, неподвижным лицом.

— Может, живой ещё?.. А то за попом послать?.. — послышался из людской гущи неуверенный голос.

Стоявший у тела Грача селянин взглянул на глубоко запавшие глаза лежавшего и безнадёжно махнул рукой.

Сбившаяся в плотный круг толпа обнажила головы.

Петрусю хотелось побежать к отцу, рассказать ему всё, но толпа, сомкнутая в кольцо, не давала ему выбраться, и мальчику волей-неволей пришлось оставаться на месте.

— Расскажи громаде, Петро, как беда случилась! — крикнул кто-то высокому селянину, стоявшему с опущенной головой.

Напарник Грача пригладил растрёпанные волосы и выступил вперёд.

— Сердяга с самого утра всё допытывался: почему у него дети плачут от голода, а у пана амбары ломятся от хлеба. «Не нам, говорю, Павло, судить о том». А он мне своё: «Правда где, Петро?» Подпилили мы дерево. Того и гляди, рухнет. А Павло подался к свиткам. «Подниму, говорит, не придавило бы их...» Подошёл, остановился. А тут ветер подул, дерево и затрещало. Стало валиться в его сторону. Я кричу ему: «Тикай, Павло! Тикай!..» А он стоит, сердечный, задумался. Так и не успел опомниться — накрыло его...

В толпе зазвучали резкие возгласы:

— Задумаешься тут, когда лихо на горло становится!

— Съели человека!

Толпа росла. Люди сбегались со всего леса. Задние наваливались на плечи передних. Каждый старался протиснуться вперёд.

Людская масса, как огромное тело, пружинисто покачивалась из стороны в сторону. Каждый в отдельности и все вместе не знали, как излить набухающий, словно огненная лава, гнев. Казалось, что толпе не хватало языка, который подсказал бы ей нужное слово, надоумил, что делать...

Вдруг сзади послышался крик:

— Расступитесь! Дайте дорогу!

Как покачивается и смыкается верхушками раздвигаемый человеком высокий камыш, так раздалась в стороны толпа, пропуская вперёд Барму.

Войдя в свободный от людей круг, Игнат поднялся на пень. Гомон стих.

Взгляды сотен людей встретились с горящими сухим блеском глазами парубка и уже не отрывались от них.

— Видали, люди? — крикнул он, указывая на Грача. — Пропал человек. И не его топор, а панская кривда сгубила ему жизнь! Если не встанем за себя, все мы также положим головы! — Барма передохнул, оглядел усталые лица односельчан. — Вот мы просим фураж, лошади гибнут, а у пана его девать некуда. Люди надрываются!.. А что делают паны? Гребут ненасытными руками всё до последней нитки у селянина. Переводят людскую силу на гроши, гроши — на выдумки, роскошь да утехи.

— Правду говоришь! Последнюю кровь высасывают! Совсем ободрали людей! — кричали из толпы.

— Не будем терпеть такое лихо над собой. Не бу-

дем! А пану и всему роду его — наше селянское проклятье! — продолжал звенеть голос Бармы.

Сделалось тихо. Толпа тяжело дышала.

У Петруся, не сводившего глаз с Игната, мороз заходил по спине. Приподнявшись на цыпочки, с полуоткрытым ртом слушал он смелые слова:

— Кидайте работу, люди! Кидайте всей громадой! А нужно пану, пусть он сам со своим управителем да приказчиками и старостой рубит лес. Мы ему больше не слуги!

— Пусть сами работают! Не станем работать больше на пана, хоть горло перережь! Будет! На волю пора! — бушевала толпа.

— Так вот, люди, не будем даром время терять: разводи лошадей — и по хатам! — крикнул что есть силы Барма и, словно топором рубанул, разрезал рукой воздух.

Соскочив с пня, он смешался с толпой.

— По хатам! По хатам! — подхватила толпа, оседая и рассыпаясь на группы.

Возбуждённые люди, крича и размахивая руками, кучками повалили с поляны.

Петрусь кинулся к Серко. Пробираясь сквозь кусты, он услышал голос старосты:

— Скачи, Данило, на панский двор, поднимай стражников.

— А где конь, батько?

— За бугром. Да не скачи — лети! — прикрикнул староста.

Фигура Данилы метнулась в сторону и скрылась.

«Так они хотят поднять стражу? — встревожился Петрусь. — Не дам!»

Обежав кустарник и увидев тяжело трусившего на пригорок Данилу, Петрусь бросился за ним. С вершины холма показалась привязанная к молодой берёзке лошадь старосты.

— Не дам! — вслух повторил мальчик, пускаясь под гору.

Данило вдруг оглянулся, вскрикнул и, круто повернувшись, со всех ног пустился к лошади.

Расстояние между мальчиками быстро сокращалось.

Настигая Данилу, Петрусь уже протянул руку к его шапке, как вдруг носок сапога Петруся зацепился за присыпанную снегом ветку. Мальчик растянулся на снегу.

Когда, оглушённый падением, он поднял голову, Данило, держась за гриву уже отвязанной лошади, торопливо пытался на неё сесть.

Точно кто-то подбросил Петруся. Подскочив к Даниле, он прыгнул ему на спину.

Оба покатились по земле.

Лошадь, косясь на катящийся клубок, отбежала.

— Отдай повод! — рычал Петрусь, стараясь зубами достать руку Данилы.

— Чёрта тебе, а не повод! — хрипел Данило, тыча кулаком Петрусю в лицо.

Извернувшись, Петрусь изо всей силы ударил своего врага коленкой в живот.

Охнув, Данило разжал руку и выпустил повод.

Лошадь рысью понеслась между деревьями и скрылась за косогором.

Данило вскочил, пустился было за ней вдогонку, но, пробежав несколько шагов по следу лошади, повалился на землю и заревел.

— Ага, взял! — показывая кукиш, с торжеством кричал Петрусь.

Довольный одержанной победой, он нахлобучил на голову шапку и, слегка прихрамывая, поспешил к Серко.

16

НА ГРЕБЛЕ

От Грача люди бежали к своим упряжкам, злобно сбрасывали с них брёвна, перепрягали застоявшихся лошадей и гнали на шлях. Дорога на Дубравку опустела. В грязи остался лежать, словно в болотной топи, брошенный лес. Весь шум, стоявший здесь утром, переместился теперь на шлях, ведущий в село.

Степан Потупа, навёрстывая потерянное Петрусём время, погнал коня более коротким путём и вскоре оказался в первых рядах ехавшего в село обоза.

На дороге не было видно ни одного стражника.

Оглядываясь на кишевший повозками, лошадьми и селянами шлях, Петрусь ликовал: «То я не пустил Данилу!»

А из лесу выезжали новые упряжки.

Старики удивлённо покачивали головами: ещё не было на Вербовье такого случая, чтобы все так дружно ушли с панщины.

Уже замелькали похожие на грибы серые крыши Вербовья, как вдруг, покрывая шум обоза, раздался тревожный возглас:

— Стражники!

Петрусь привстал на возу и, подпрыгивая на ухабах, оглянулся. Сердце у него замерло.

К показавшейся впереди гребле со стороны панского двора во весь опор мчался отряд стражников. Пригибаясь к луке, на сером иноходце скакал старший отряда — объездчик Юзеф.

Завидев стражников, селяне погнали лошадей.

Но едва успели первые подводы въехать на бревенчатый настил гребли, как на другой её конец вскочили стражники.

— Стой! Стой! Назад! — заревели они, в исступлении колотя нагайками по лошадиным мордам.

Задирая высоко головы, лошади дико таращили глаза, осаживали назад.

Несколько минут воздух дрожал от нестерпимого крика, тяжёлой брани, ударов кнутов и нагаек, испуганного ржания.

Движение на мосту замерло.

Вскоре остановился и весь обоз. Селяне соскакивали с подвод и, опираясь на колья, один за другим подходили к мосту.

— Почему возвращаетесь? — взревел Юзеф. — Кто дал такой указ?

— Тебя не спрашивали! — зло выкрикнул с края одинокий голос.

Объездчик толкнул коня вперёд и вытянул нагайкой по спине ближайшего селянина:

— Получи, быдло, да не верещи!

— А ты не дерись — не я кричал... — с мрачным спокойствием ответил крестьянин, отступая к возу и незаметно вытаскивая из-под соломы заострённый кол.

Юзеф поднял над головой нагайку, словно призывая людей к молчанию, и дрожащим от напряжения голосом закричал:

— По приказанию ясновельможного, возвращайтесь в лес и становитесь на работу! А не послушаетесь...

Возмущённые возгласы не дали закончить объездчику:

— Нужно тебе — сам работай, злодей, а мы своё отработали! Теперь ты со своим ясновельможным берись за топор!

Юзеф, привстав на стременах, стараясь запомнить крикунов, поворачивался то в одну, то в другую сторону.

— Побреши ещё, индюк бородатый, давно не брехал! Послушаем! — выкрикнул какой-то шутник.

Лицо Юзефа с острым отвислым носом побагровело — он и впрямь стал походить на индюка.

Это вызвало взрыв веселья. В толпе захохотали.

Выведенный из себя, объездчик выхватил торчащее из-за спины ружьё, приставил его к плечу и прицелился...

Толпа взволнованно загудела.

Словно выбирая себе жертву, Юзеф медленно повёл дулом ружья по лицам людей.

Под направленным на них чёрным кружком склонялись ряды селян, как никнет к земле под порывами ветра ковыль. В тягостной истоме, задыхаясь, ждали люди выстрела.

Ударил он неожиданно.

Из тонкого ствола выскочил жёлтый, как одуванчик, язычок пламени, и гулкий, раскатистый звук волнами покатился в воздухе.

Не успел рассеяться ружейный дым, как вперёд вырвался Барма, растолкав попятившихся людей.

Очутившись рядом с Юзефом, он, схватив его за ногу, стащил на землю, вырвал из рук ошеломлённого объездчика ружьё и ударил его прикладом о перила моста. С хрустом отскочившее ложе полетело на лёд Дубравки, а через мгновение в воздухе мелькнул воронёный ствол.

Крикнув на помощь стражников, Юзеф замахнулся на Барму нагайкой. Парубок перехватил руку объездчика, и занесённая плеть, вздрогнув, повисла в воздухе.

— Дядя Игнат, держись! Я сейчас! — отчаянно закричал Петрусь, бросаясь вперёд.

В это время испуганный конь Юзефа заслонил от него дерущихся. Не помня себя, мальчик яростно хлестал по шее, бокам, голове коня.

Визжа от боли, иноходец Юзефа взвился на дыбы, повернулся на задних ногах и рухнул в самую гущу подоспевших стражников.

Ободрённая толпа хлынула вперёд.

— Бей их!

Осыпаемые градом ударов, стражники один за другим обращались в бегство. Бросив на произвол судьбы своего вожака, они, бешено нахлёстывая коней, помчались к усадьбе.

Стоявший впереди всех Охрим Шелест погнал лошадь. Раскатившиеся сани оглоблей ударили Юзефа в висок. Взмахнув руками, объездчик свалился под копыта лошадей.

За Шелестом понеслись остальные. Доски настила дрожали от тяжести мчавшихся по нему упряжек.

Когда вся лавина саней пронеслась через греблю, на ней валялось, будто измолотое жерновами, тело Юзефа.

17

РАСПРАВА

Притихшее в ожидании расправы Вербовье казалось вымершим. Село ждало войска.

Люди сидели по хатам, говорили приглушёнными голосами, подолгу смотрели в окна, к чему-то прислушивались. Забившиеся на печь дети, глядя на озабоченные лица взрослых, старались говорить шёпотом. Даже собаки, почуяв гнетущую тревогу, охватившую людей, куда-то попрятались.

Петрусю давно не терпелось посмотреть, что делается на улице, но родители не выпускали его со двора, и мальчик, улучив минутку, когда мать спустилась в погреб, а отец понёс скотине корм, незаметно

выскользнул во двор. Перемахнув перелаз, он очутился на пустынной улице.

Петух, проголосивший с плетня, заставил его испуганно присесть на землю.

Рассерженный мальчик швырнул в крикуна хворостиной и побежал по улице.

На широкой, как выгон, церковной площади он остановился около уходящей ввысь звонницы. Задрав голову к блещущему на солнце кресту, Петрусь решил: «Заберусь на звонницу и посмотрю, что кругом делается».

Поднявшись к колоколам, он заглянул вниз. Сверху всё казалось иным. Восхищённый Петрусь переводил глаза от одной улицы к другой. Найдя свою хату, он увидел мать. Она стояла, приставив ладонь ко лбу, и смотрела через плетень.

«Меня выглядывает»,— догадался мальчик, поворачиваясь в другую сторону.

На краю села в лучах заходящего солнца что-то сверкнуло. Потом ещё раз и ещё.

Петрусь вгляделся.

По улице быстро шагали несколько стражников в сопровождении старосты и сотских.

«Стражники! — испугался мальчик. — И голова с ними... К кому они?..»

Вдруг страшная догадка потрясла Петруся: «Ой, да они дядю Игната идут забирать!.. Вот и улица, какой они идут, выходит в его куток».

Спасти парубка, предупредить его об опасности было первой мыслью мальчика.

Он кубарем скатился вниз.

Оставляя за собой полосу пыли, Петрусь помчался наперерез отряду. Удивлёнными взглядами провожали его прыткую фигуру селяне.

— Дядя Игнат! Откройте! — отчаянно забарабанил руками и ногами в дверь Петрусь.

Дверь распахнулась. На пороге появился Барма.

— Стражники! — задохнулся Петрусь. — На горбу. Тикайте!

Барма схватил мальчика за руку, втащил в хату и захлопнул дверь на задвижку.

Он был один. Мать его умерла ещё за неделю до первого снега.

Парубок сунул в мешок взятый со стола хлеб, обвёл глазами пустые стены и повернулся к Петрусю.

— Прощай, Петрусь! Может, навсегда расстаёмся, — приглушённо произнёс парубок.

Он порывисто наклонился и крепко обнял мальчика.

Петрусь поднял полные слёз глаза на своего друга, хотел что-то сказать, но слова застряли у него в горле.

— Пойдём, они уже близко, — промолвил Игнат.

Барма, а за ним Петрусь вылезли через открытое окно во внутренний садик.

Захлопнув створки окна, парубок, пригибаясь, побежал огородами к балке. Петрусь поплёлся домой.

В это время посланный за Бармой отряд уже ломился в хату:

— Открывай!

Хата молчала.

В нетерпении дёргая ус, староста закричал:

— Ломайте двери!

Загремели приклады, затрещала дверь, и толпа стражников ввалилась в пустую хату...

Через три дня с тревожным барабанным боем в село вступила рота солдат. Пройдя по улицам, провожаемая испуганными взглядами, рота остановилась на выгоне.

За солдатами увязалась толпа ребятишек, а с ними — Петрусь.

Забыв о страхе, мальчишки, приблизившись к пришельцам, с любопытством их рассматривали.

Рослые усатые люди сбрасывали с плеч рыжие, из телячьей кожи, ранцы, правильными рядами складывали их на земле. Тяжёлые ружья ставили в козлы.

Солдаты шутили, смеялись, сыпали прибаутками.

Подошёл обоз.

Одни кинулись стаскивать с телег и разбивать полотняные палатки, другие, поснимав огромные котлы, принялись готовить пищу.

Ещё долго смотрели бы ребята на суетню солдат, но их любопытству положил конец здоровенный фельдфебель:

— Вон, собачата!

Ребятишки кинулись врассыпную.

Офицер, приведший роту, видя, что его людям не угрожает опасность со стороны «бунтовщиков», успокоился и приказал разводить солдат на постой по дворам.

А наутро по селу поползла недобрая весть: всех мужчин и парубков сгонять на площадь.

Десятские обходили дворы и предупреждали:

— Кто не пойдёт на сход, того запишут в бунтовщики...

Провожаемые плачем женщин, не глядя друг на друга, вербовчане потянулись к волости.

Несколько парубков попрятались на чердаках.

— Чего мы пойдём на сход? — говорили они. — Чтоб нас половили, как сусликов, сняли со спины шкуру и отправили в город с забритыми лбами?

Выстроенные на площади солдаты уже не смеялись, как накануне. Взобравшимся на деревья ребятишкам их неподвижные лица казались теперь жестокими и страшными. Барабанщики с сияющими медной оправой барабанами разместились впереди

роты. Тут же стояли скамьи для порки и наполненные солёной водой корыта для розог. Огромная сизо-красная их куча высилась рядом.

На крыльце волостного дома, поблёскивая золотом погон, прохаживался руководивший поркой офицер. Опираясь на эфес шашки, он небрежно отвечал почтительно склонившимся перед ним исправнику и управляющему пана.

Староста, выпятив грудь с круглой бляхой, самодовольно поглядывал по сторонам.

Сбоку маленького столика с чернильницей, гусиным пером и бумагой примостился писарь. Позади него толклись сельские богатеи.

Люди понуро и молча ждали начала. Наконец десятские доложили, что народ согнан. Офицер подал знак, и писарь, поднявшись, прочитал длинный список подлежащих порке.

Староста обвёл тяжёлым взглядом замершую толпу, и расправа началась...

18

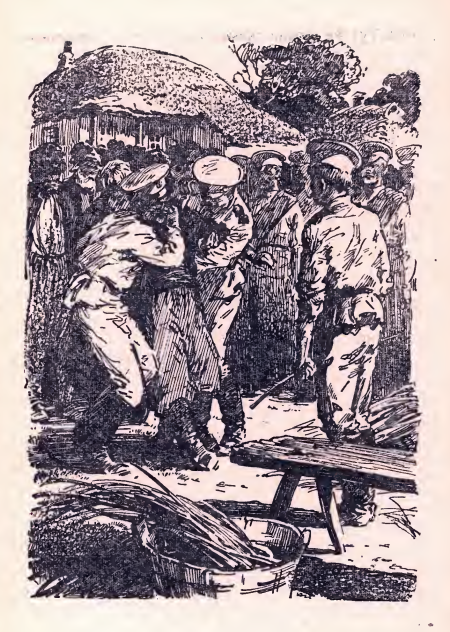
«БАРМА ГУЛЯЕТ»

Скоро оправдались слова спрятавшихся на чердаках парубков: жестоко наказанных розгами Семёна Дубовика и ещё нескольких селян объявили бунтарями и в колодках повезли в город.

Но вот после нескольких недель постоя солдат в Вербовье измученные люди оживились.

Параська Вовчек, бегавшая в соседнее село Перегуды, принесла новость: несколько уклонившихся от расправы парубков, так и не возвратившихся в родное село, встретились со своим вожаком Бармой и теперь не дают покоя окрестным панам.

Люди распрямили поникшие плечи, повеселели.

Расправа началась...

А слухи о делах Бармы и его хлопцах ширились, росли: там спалили усадьбу соседнего пана, занялись стога у другого.

«Барма гуляет», — носится между людьми.

Прошёл ещё месяц. Вербовчане продолжали чего-то ждать и дождались.

В мартовскую вьюжную ночь, освещая всё вокруг, поднялось зарево над панской усадьбой. Горел огромный стог сена. Пламя, быстро растекаясь по скату, докатилось до вершины стога и закружилось в водовороте, потом ослепительной змейкой опустилось к подошве с другой стороны. Через мгновение стог походил на гигантскую, пылающую на ветру свечу.

Пожар усиливался; в горящем стогу что-то ухнуло, и тёмно-золотистая масса взлетела в воздух. На огромные скирды соломы посыпались клочья горящего сена, и скирды запылали.

Подхватываемые воздушным потоком, огненными снежинками завихрились в дыму тысячи искр. Словно накаляясь, небо приняло кровавый оттенок.

Внезапно, покрывая шум пожара, ударил набат. Густые, частые звуки тревожно поплыли в воздухе.

Гул огня, мычание и рёв испуганных животных, бой набата, вой и лай собак, отчаянные вскрики дворовых вокруг горящих скирд — всё слилось в хаотический вихрь звуков.

Огонь перекидывался всё дальше. Загорелись службы.

При ярком свете чётко вырисовывались силуэты горящих построек. Быстрые тени крыльями огромных птиц метались по белому фасаду замка. В зеркальных окнах отражались багровые отблески огня.

«Горит... горит... горит...» — тяжёлыми ударами созывал людей колокол.

Но как ни старались десятские сгонять на пожар народ, никто не пошёл спасать панское добро.

Разбуженный звуками набата, Петрусь, полуодетый, выскочил на улицу. Следом за ним выбежали его родители. Молча смотрели они на бушующее перед ними пламя.

— Что это, тату? — ещё не совсем проснувшись, испуганно спросил Петрусь.

Не отводя от огня взгляда, сжимая кулаки, Степан, словно отвечая своим думам, произнёс:

— Пришёл-таки Игнат посчитаться с паном...

ЭПИЛОГ

Стояло жаркое лето.

В тени разросшихся у придорожной канавы верб отдыхали вокруг костра пастухи.

Ветерок относил густое курево к пруду, и там, поредев, оно нежной сиреневой дымкой реяло над прибрежной осокой.

Вынутой из ножен саблей блестел на полуденном солнце пруд. На травянистом берегу неподвижно лежало пёстрое стадо коров.

Вокруг невозмутимая тишина. В синеве неба с величавой медлительностью, как сказочные корабли с

надутыми парусами, плывут белые облака. Изредка вспархивают над поникшими цветами бабочки. Навевая дремоту, монотонно стрекочут кузнечики.

Безлюдны поля, окружающие стоянку пастухов. Только по широкому шляху, серой лентой убегающему вдаль, тихо бредут два старца-бандуриста и мальчуган-поводырь.

Мягко тонут в пыли их босые, натруженные ноги. В латаных свитках, обвешанные холщовыми торбами на длинных лямках, старики устало шагают за мальчиком. Маленький, без шапки, в потёртых штанишках, сквозь которые светится тёмное голое тело, он безучастно смотрит по сторонам.

Кругом — дремлющие поля, впереди — безотрадный знойный шлях...

— Отдохнём, дидусю, — жалобно попросил мальчик, поравнявшись с вербами.

Держащийся за его плечо сивый старец с опущенными книзу усами остановился и неторопливо повёл незрячим лицом по сторонам.

— А что, Остап, — обратился он к товарищу, — не пополудновать ли нам в холодку?

Рябоватый кобзарь, не ответив на вопрос, вздохнул:

— Попить бы...

Слепой старец потянул носом.

— Дымом пахнет. Должно, пастухи близко.

— Отуточки они, дидусю, — сказал мальчик, вытянув худенькую руку в сторону костра.

— Присядем, Микола? — вопросительно проговорил Остап.

Потыкав перед собой палками, деды уселись, свесив ноги в канаву.

Микола достал из-за спины бандуру, тронул морщинистой рукой струны и высоким голосом запел думу:

Нету в свете правды, правды не сыскать,
Лихая неправда стала пановать.
Теперь маты-правда сидит в той темнице,
А злую неправду мёдом угощают.
Теперь маты-правда сидит в той темнице,
А злая неправда — с панами в светлице.

Пастухи, приподнявшись, слушали. Петрусь, с кнутом через плечо, подошёл к бандуристам, опёрся на клюшку и застыл. Кончил кобзарь и, опустив голову, тихо перебирал струны бандуры.

— Дидусю, ещё спойте, — попросил Петрусь.

Кобзарь поднял на него незрячие глаза.

— Только водички принеси.

— Принесу, диду.

Петрусь вскоре вернулся с полным ковшиком воды.

Утолив жажду, кобзари оживились. Микола пошептал что-то в мохнатое ухо товарища, и оба кобзаря, положив на колени бандуры, склонились над струнами.

Лица старцев посуровели, встопорщенные седые брови грозно нависли над тёмными глазницами.

Ударив по струнам, они в лад запели:

То не орёл в чистом поле
На крыльях летает —
То Гнат Барма с молодцами
К пану подступает.

То не заря червонная
Небо освещает —
То огнями праведными
Панский дом пылает.

То не буря шумит в гаю,
Непогода злая —
То Гнат Барма с молодцами
За людей карает.

За людей, что в ярме панском
Слёзы проливают,
В рань и в вечер, голы, босы,
На поле страдают.

То не туман туманится
Над речкою ранком —
То Гнат Барма с молодцами
Рассчитался с паном...

Услышав имя Бармы, Петрусь вздрогнул, на глаза навернулись слёзы.

— Дяденька... Игнат... — прошептал он.

Чуткое ухо слепого Миколы уловило горячий шёпот мальчика. Радость прошла по лицу старого кобзаря. Видно, недаром звучала сегодня его песня. Он вскинул голову с матово блеснувшими белками и с подъёмом допел последние слова думы:

Ой, наступит заря ясна,
Панов позабудут.
Украина, ненька-маты,
Людей приголубит!

Окончив петь, растроганный Остап прикрыл глаза ладонью.

Подняв к небу просветлевшее лицо, Микола словно видел далёкое будущее, о котором он только что пел...

— Дидуси, кушайте, — настойчиво приглашал маленький поводырь, уже успевший разложить на холщовой торбе хлеб, сало, завёрнутую в тряпицу соль и несколько пожелтевших огурцов.

Обнажив седые головы, перекрестившись, усталые бандуристы молча принялись полудновать.

Подкрепившись, немного отдохнув, кобзари поднялись.

— А далёко до села, хлопчик? — спросил Остап.

— Недалёко, — ответил Петрусь и обернулся к поводырю: — Видишь на бугре мельницу? За ней и наше Вербовье...

Держась друг за друга, под палящими лучами солнца снова побрели по пыльному шляху бандуристы.

Долго смотрел им вслед Петрусь, потом перевёл взгляд на небо.

В недосягаемой высоте то сдвигались, то вновь расходились облака, принимая причудливые очертания и формы. В этом медленном собирании сил чувствовалось напряжённое, тревожное ожидание.

— Будет гроза, — прошептал Петрусь.

А. Ф. Фец
(1908—1963)

Это было в летний жаркий полдень. Мне, тогда редактору Детгиза, сказали, что внизу дожидается автор, но подняться на третий этаж он не может. Спустившись вниз, я увидел у подъезда инвалидную коляску и в ней худого, большелобого красивого человека с добрыми глазами — Алексея Феца. Он передал мне рукопись с рекомендательным письмом В. Катаева и энергично покатил коляску, лавируя среди машин. С тех пор дружеские отношения я поддерживал с ним до конца его дней.

Это был человек необыкновенной судьбы. Родился он в семье дрессировщика зверей — потомка итальянских цирковых артистов, которых немало бродило по России. В раннем детстве мальчик лишается отца, попадает на Украину и живёт жизнью сироты — пасёт скотину в сёлах, батрачит в кулацких хозяйствах, а в шестнадцать лет, приехав в Киев, работает грузчиком, землекопом, каменщиком. В двадцать девятом году, окончив вечернюю рабочую школу, поступает на цементный завод. Призванный в армию, он служит в дивизионе бронепоездов, кончает школу среднего комсостава и направляется на должность командира взвода управления батареи.

Тридцать второй год — год призыва молодёжи на строительство Московского метрополитена. Демобилизовавшись из армии, комсомолец Алексей Фец с энтузиазмом откликается на призыв и едет в Москву. Толковому, армейски подтянутому парню предлагают в отделе кадров работу коменданта общежития, заведующего складом, агента по снабжению, — грамотных людей в то время было не так уж много. Но у Алексея за плечами опыт землекопа и каменщика, к тому же он не ищет лёгкой работы — он становится проходчиком, а вскоре и бригадиром одной из лучших комсомольских бригад Метростроя.

Это были самые счастливые годы в жизни Алексея Феца. На формирование его характера определённое влияние оказал знаменитый роман Николая Островского «Как закалялась сталь», который как раз в то время печатался в журнале «Молодая гвардия».

В 1934 году в результате аварии на шахте Алексей становится инвалидом, и коляска, приводимая в движение руками, стала его единственным средством передвижения. Из шахты он вышел, как из боя, и есть что-то символическое в том, что его трудовой подвиг был отмечен боевым орденом Красной Звезды.

Черты схожести с Островским — в судьбе, в страстной одержимости, даже во внешнем облике — можно найти в Алексее Феце.

И вот тогда, в годы вынужденной неподвижности, появляется досуг, которого не было раньше. Вся жизнь Феца наполняется книгами, радио, друзьями, не покинувшими его в беде.

Кто знает, пробудилась бы у него страсть к писательству, не случись несчастья, но пример Островского, желание быть полезным людям обращают Алексея к мысли самому начать писать — и писать для ребят, которых он любил с нерастраченной нежностью человека, не имевшего собственных детей.

Первая книга Феца «Петрусь Потупа» — о крепостном украинском хлопчике, мечтающем о воле, — появилась в свет в 1950 году. Небольшая эта повесть вобрала в себя память о собственном детстве, любовь к Украине, её ласковые пейзажи, доброту и стойкость её людей. Свободолюбивая страстность шевченковского «Кобзаря» вдохновляла главных героев повести — Петруся и его старшего товарища Барму, будущего вожака крестьянского бунта, — на борьбу против помещичьего произвола. Книга была хорошо принята читателями — взрослыми и детьми. Она была переиздана Детгизом, вышла в Польше. Особенно рады были метростроевцы, которые трогательно называли Алексея своим «метростроевским Островским».

Я не раз бывал у Алексея Францевича дома и поражался весёлой жадности, с которой он расспрашивал о литературных новостях, напору, с которым сам рассказывал о различных заботах, донимавших его. До всего ему было дело — и до соседского мальчишки, отбившегося от рук, и до собрания жильцов, решивших принять участие в благоустройстве дво-

ра, и до международных дел, которые волновали его, как события личной жизни. И не замечалась застывшая неподвижность вытянутых ног, а виделись только горящие воодушевлением глаза, и слышался голос — сочный, глубокий, слегка срывающийся от сдерживаемого волнения.

Вторая книга «Прошка будет героем» (1962) — о деревенском пареньке, приехавшем на стройку, — была написана уже на том жизненном материале, который Фец очень хорошо знал. Недаром он несколько лет проработал на строительстве метрополитена. Смерть помешала ему написать третью книгу — о городском парне-комсомольце на Метрострое. Вероятно, эта книга была бы самой автобиографичной.

Считается, что писатель полностью выражает себя в своих книгах, а его биография мало что даёт читателю. Но представление о личности писателя повышает интерес к его книгам, помогает увидеть в них такое, чего не обнаружишь, ничего не зная об их авторе. Что может сказать сама по себе небольшая повесть об украинском мальчике из далёкой, забытой эпохи крепостного права?

Но вот ты узнаёшь о необыкновенной жизни писателя — и глубже и значительнее становится твоё восприятие книги. Ведь маленький Петрусь — это как бы сам автор, силою воображения перенёсший себя в далёкое прошлое. И любовь к свободе, воодушевлявшая мальчика, — это ведь то самое чувство, которым горел писатель, в детстве видевший революцию, определившую все его помыслы, всю его жизнь, которую иначе как подвигом не назовёшь. И бывает так, что своим героям писатель отдаёт лучшее, что есть в нём самом, вот почему мне и хотелось, чтобы ребята, взявшие в руки эту книжку, хоть немного узнали о её авторе — прекрасном человеке Алексее Францевиче Феце.

С. Полетаев

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Сын 3
2. Старая балка 7
3. У дьячка 16
4. Ученье 26
5. В пастухах 32
6. Андрейка 48
7. За оградой 52
8. Кобзарь 62
9. Дружба 72
10. Ульянка 77
11. Тревожный день 81
12. У Чёрного бучала . . . 86
13. В ожидании перемен . . 92
14. В лесу 95
15. Враги 99
16. На гребле 109
17. Расправа 112
18. «Барма гуляет» 116

Эпилог 120

С. Полетаев. А. Ф. Фец . . 125

Для младшего возраста

Алексей Францевич Фец

ПЕТРУСЬ ПОТУПА

Ответственный редактор *Т. П. Николаева.* Художественный редактор *Н. З. Левинская.* Технический редактор *Р. Б. Сиголаева.* Корректор *В. Е. Калинина.* Сдано в набор 4/I 1973 г. Подписано к печати 25/IV 1973 г. Формат $60\times84^1/_{16}$. Бум. типогр. № 2. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 7,44. Уч.-изд. л. 5,73. Тираж 150 000. Заказ № 186.
Цена 21 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Цена 21 коп.

Цена 21 коп.